

Сергей
Есенин

Я помню, любимая,
ПОМНЮ...

Сергей Александрович Есенин

Я помню, любимая, помню... (Народная поэзия)

Сергей Есенин – русский поэт, тонкий лирик, мастер психологического пейзажа, представитель новокрестьянской поэзии, а позднее имажинизма – писал пронзительные стихи о любви. «...земля русская не производила ничего более коренного, естественно уместного и родового, чем Сергей Есенин...» – писал Борис Пастернак. В книге представлены самые популярные, любимые многими, почти народные, стихи поэта.

Содержание

#1	0012
Стихотворения	0013
«Поет зима – аukaет...»	0013
«Сыплет черемуха снегом...»	0014
«Хороша была Танюша, краше не было в селе...»	0015
«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...»	0016
«Матушка в купальницу по лесу ходила...»	0017
Береза	0019
«Край любимый! Сердцу снятся...»	0020
«Пойду в скуфье смиренным иноком...»	0021
«Я – пастух, мои палаты...»	0022
«Гой ты, Русь, моя родная...»	0023
Осень	0024
«Шел Господь пытатъ людей в любви...»	0025
«Чую радуницу Божью...»	0026
«По дороге идут богомолки...»	0027
Песнь о собаке	0028
«Запели тесаные дроги...»	0029
«Устал я жить в родном краю...»	0030
«День ушел, убавилась черта...»	0032
«Прячет месяц за овинами...»	0033
Голубень	0034

«Даль подернулась туманом...»	0038
«Не бродить, не мять в кустах багряных...»	0039
«То не тучи бродят за овином...»	0040
«Ночь и поле, и крик петухов...»	0042
«Твой глас незримый, как дым в избе...»	0043
Пропавший месяц	0044
«Колокольчик среброзвонный...»	0046
«Песни, песни, о чем вы кричите?...»	0047
«Отвори мне, страж заоблачный...»	0048
«Нивы сжаты, рощи голы...»	0049
«Я по первому снегу бреду...»	0050
«О Матерь Божья...»	0051
«Тучи с ожерёба...»	0052
«Гляну в поле, гляну в небо...»	0053
«О Русь, взмахни крылами...»	0054
«Разбуди меня завтра рано...»	0057
«Теперь любовь моя не та...»	0058
«Вот оно, глупое счастье...»	0059
«Я покинул родимый дом...»	0060
«Хорошо под осеннюю свежесть...»	0061
«Закружилась листва золотая...»	0062
Хулиган	0063
«Ветры, ветры, о снежные ветры...»	0065
«Душа грустит о небесах...»	0066
«Я последний поэт деревни...»	0067
«По-осеннему кычет сова...»	0068
«Мир таинственный, мир мой древний...»	

«Не жалею, не зову, не плачу...»	0071
«Все живое особой метой...»	0072
«Не ругайтесь! Такое дело!...»	0074
«Я обманывать себя не стану...»	0075
«Да! Теперь решено. Без возврата...»	0077
«Сыпь, гармоника! Скука... Скука...»	0078
«Пой же, пой. На проклятой гитаре...»	0080
Прощание с Мариенгофом	0082
«Мне осталась одна забава...»	0084
«Я усталым таким еще не был...»	0086
«Заметался пожар голубой...»	0088
«Ты такая ж простая, как все...»	0089
«Пускай ты выпита другим...»	0091
«Дорогая, сядем рядом...»	0093
«Мне грустно на тебя смотреть...»	0095
«Ты прохладой меня не мучай...»	0096
Сукин сын	0098
«Этой грусти теперь не рассыпать...»	0100
«Низкий дом с голубыми ставнями...»	0101
Возвращение на родину	0103
Стансы	0109
Поэтам грузии	0113
На кавказе	0117
Письмо матери	0120
Письмо к женщине	0122
«Мы теперь уходим понемногу...»	0127
«Годы молодые с забубенной славой...»	0129

«Отговорила роща золотая...»	0131
«Улеглась моя бывлая рана...» (Персидские мотивы)	0133
«Я спросил сегодня у менялы...» (Персидские мотивы)	0135
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» (Персидские мотивы)	0136
«Ты сказала, что Саади...» (Персидские мотивы)	0138
«Никогда я не был на Босфоре...» (Персидские мотивы)	0139
«Свет вечерний шафранного края...» (Персидские мотивы)	0141
«Воздух прозрачный и синий...» (Персидские мотивы)	0142
«Золото холодное луны...» (Персидские мотивы)	0144
«В Хороссане есть такие двери...» (Персидские мотивы)	0146
«БЫТЬ ПОЭТОМ – это значит то же...» (Персидские мотивы)	0147
«Руки милой – пара лебедей...» (Персидские мотивы)	0149
«Глупое сердце, не бейся!..» (Персидские мотивы)	0150
«Голубая да веселая страна...» (Персидские мотивы)	0152
«Море голосов воробьиных...»	0153

«Несказанное, синее, нежное...»	0154
«Заря окликает другую...»	0156
«Синий май. Заревая теплынь...»	0158
«Не вернусь я в отчий дом...»	0159
«Спит ковыль. Равнина дорогая...»	0161
«Вижу сон. Дорога черная...»	0162
«Каждый труд благослови, удача!..»	0164
«Видно, так заведено навеки...»	0165
«Я иду долиной. На затылке кепи...»	0167
«Гори, звезда моя, не падай...»	0169
«Жизнь – обман с чарующей тоскою...»	0171
«Листья падают, листья падают...»	0173
«Над окошком месяц. Под окошком ветер...»	0174
«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!..»	0175
«Я красивых таких не видел...»	0176
«В этом мире я только прохожий...»	0178
«Ты запой мне ту песню, что прежде...»	0179
«Эх вы, сани! А кони, кони!..»	0181
«Снежная замять дробится и колется...»	0182
Песня	0184
«Я помню, любимая, помню...»	0187
Собаке Качалова	0188
«Слышишь – мчатся сани, слышишь – сани мчатся...»	0190
«Голубая кофта. Синие глаза...»	0191
«Снежная замять крутит бойко...»	0192

«Плачет метель, как цыганская скрипка...»	
0193	
«Вечером синим, вечером лунным...»	0194
«Не криви улыбку, руки беребя...»	0194
«Снежная равнина, белая луна...»	0195
«Цветы мне говорят – прощай...»	0195
«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»	0196
«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» . .	
0198	
«Какая ночь! Я не могу...»	0199
«Не гляди на меня с упреком...»	0201
«Ты меня не любишь, не жалеешь...»	0202
«Может, поздно, может, слишком рано...»	0205
«До свиданья, друг мой, до свиданья...» . .	0207
Поэт	0208
Звезды	0209
Зима	0210
Думы	0211
Звуки печали	0212
Слезы	0213
Отойди от окна	0214
Капли	0215
«Ты плакала в вечерней тишине...»	0216
«Грустно... Душевные муки...»	0217
Молитва матери	0218
Богатырский посвист	0219
Сиротка	0221
Что это такое?	0227

Узоры	0228
«Ты ушла и ко мне не вернешься...»	0229
Сонет	0230
Чары	0231
Черемуха	0232
«О дитя, я долго плакал над судьбой твоей...»	0233
Побирушка	0234
Польша	0235
Греция	0236
Девичник	0237
«На лазоревые ткани...»	0238
«Я странник убогий...»	0239
Бабушкины сказки	0240
Русалка под новый год	0241
Нищий с паперти	0242
«Еще не высох дождь вчерашний...»	0243
«В зеленой церкви за горой...»	0244
Исус-младенец	0245
Мечта	0249
«Грубым дается радость...»	0252
«Цветы на подоконнике...»	0254
Памяти Брюсова	0255
Цветы	0256
«Неуютная жидкая лунность...»	0261
«Тихий вечер. Вечер сине-хмурый...»	0263
Частушки	0265
Девичьи и полюбовные	0265

Прибаски.....	0270
Страданья.....	0276
Смешанные.....	0282

Сергей Есенин

Я помню, любимая, помню...

В оформлении обложки использована ре-
продукция картины «Влюбленные»
(1920 г.) художника Константина Сомова

© Оформление. ООО «Издательство «Экс-
мо», 2015

* * *

Стихотворения

«Поет зима – аукает...»

*Поет зима – аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.*

*А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.*

*Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильнее.*

*И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные*

*У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.*

1910

«Сыплет черемуха снегом...»

*Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.*

*Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы, —
Я одурманен весной.*

*Радугой тайные вести
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.*

*Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.*

1910

«Хороша была Танюша, краше не было в селе...»

*Хороша была Танюша, краше не было в селе,
Красной рюшкою по белу сарафан на подоле.
У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру.
Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.*

*Вышел парень, поклонился кучерявой головой:
«Ты прощай ли, моя радость, я женюсь на другой».
Побледнела, словно саван, схолодела, как роса.
Душегубкою-змеею развилась ее коса.*

*«Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказаться: за другого выхожу».
Не заутренние звонь, а венчаль-*

ный переклик,
Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

Не кукушки загрустили – плачет
Танина родня,
На виске у Тани рана от лихого
кистеня.

Алым венчиком кровинки запек-
лися на челе,
Хороша была Танюша, краше не
было в селе.

1911

**«Заиграй, сыграй, тальяночка,
малиновы меха...»**

Заиграй, сыграй, тальяночка, ма-
линовы меха.
Выходи встречать к околице, кра-
сотка, жениха.

Васильками сердце светится, го-
рит в нем бирюза.
Я играю на тальяночке про синие
глаза.

*То не зори в струях озера свой вы-
ткали узор,
Твой платок, шитьем украшен-
ный,
мелькнул за косогор.*

*Заиграй, сыграй, тальяночка, ма-
линовы меха.
Пусть послушает красавица при-
баски жениха.*

1912

«Матушка в купальницу по лесу ходила...»

*Матушка в купальницу по лесу хо-
дила,
Босая с подтыками по росе броди-
ла.*

*Травы ворожбиные ноги ей коло-
ли,
Плакала родимая в купырях от
боли.*

*Не дознамо печени судорга схва-
тила,*

Охнула кормилица, тут и породила.

Родился я с песнями в травном одеяле.
Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Только не по совести счастье наготове,
Выбираю удалью и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я таю
Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

1912

Береза

*Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.*

*На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.*

*И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.*

*А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.*

<1913>

«Край любимый! Сердцу снятся...»

*Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.*

*По меже на переметке
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы, кроткие монашки.*

*Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.*

*Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.*

1914

«Пойду в скуфье смиренным ИНОКОМ...»

*Пойду в скуфье смиренным ино-
ком
Иль белобрысым босяком
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко.*

*Хочу концы земли измерить,
Доверясь призрачной звезде,
И в счастье ближнего поверить
В звенящей рожью борозде.
Рассвет рукой прохлады росной
Сшибает яблоки зари.
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.*

*Глядя за кольца лычных прясел,
Я говорю с самим собой:
Счастлив, кто жизнь свою укра-
сил
Бродяжной палкой и сумой.*

*Счастлив, кто в радости убогой,
Живя без друга и врага,
Пройдет проселочной дорогой,*

Молясь на копны и стога.

<1914–1922>

«Я – пастух, мои палаты...»

*Я – пастух, мои палаты —
Межи зыбистых полей.
По горам зеленым – скаты
С гарком гулких дупелей.*

*Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.
В тихой дреме под навесом
Слышу шепот сосняка.*

*Святят зелено в сутёмы
Под росую тополя.
Я – пастух; мои хоромы —
В мягкой зелени поля.*

*Говорят со мной коровы
На кивливом языке.
Духовитые дубровы
Кличут ветками к реке.*

*Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья.*

Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.

1914

«Гой ты, Русь, моя родная...»

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех.
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:

*«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».*

1914

Осень

Р.В. Иванову

*Тихо в чаще можжевеля по обры-
ву.
Осень, рыжая кобыла, чешет гри-
ву.*

*Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.*

*Схимник-ветер шагом осторож-
ным
Мнет листву по выступам до-
рожным*

*И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.*

1914

«Шел Господь пытаться людей в любви...»

*Шел Господь пытаться людей в любви,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом в дуброве
Жамкал деснами зачерствелую пышку.*

*Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою железной,
И подумал: «Вишь, какой убогой,
—
Знать, от голода качается, болезный».*

*Подошел Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудить...
И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй... маленько крепче будешь».*

«Чую радуницу Божью...»

*Чую радуницу Божью —
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.*

*Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Исус.*

*Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.*

*Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.*

*Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов.
Я поверил от рожденья
В Богородицын покров.*

«По дороге идут богомолки...»

*По дороге идут богомолки,
Под ногами полынь да комли.
Раздвигая щипульные колки,
На канавах звенят костыли.*

*Топчут лапти по полю кукольной,
Где-то ржанье и храп табуна,
И зовет их с большой колокольни
Гулкий звон, словно зык чугуна.*

*Отряхают старухи дулейки,
Вяжут девки косицы до пят.
Из подворья с высокой келейки
На платки их монахи глядят.*

*На вратах монастырские знаки:
«Упокою грядущих ко мне»,
А в саду разбрехались собаки,
Словно чужа воров на гумне.*

*Лижут сумерки золото солнца,
В дальних рощах аукает звон...
По тени от ветлы-веретенца
Богомолки идут на канон.*

1914

Песнь о собаке

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

*В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.*

*И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.*

1915

«Запели тесаные дроги...»

*Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.*

*Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка,
И на известку колоколен
Невольню крестится рука.*

*О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.*

*Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу.*

*И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.*

<1916>

«Устал я жить в родном краю...»

*Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам.
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и воров.*

*Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.*

*Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.*

*И вновь вернуся в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.*

*Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.*

*А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам...
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.*

<1916>

«День ушел, убавилась черта...»

*День ушел, убавилась черта,
Я опять подвинулся к уходу.
Легким взмахом белого перста
Тайны лет я разрезаю воду.*

*В голубой струе моей судьбы
Накипи холодной бьется пена,
И кладет печать немого плена
Складку новую у сморщенной гу-
бы.*

*С каждым днем я становлюсь чу-
жим
И себе, и жизнь кому велела.
Где-то в поле чистом, у межи,
Оторвал я тень свою от тела.*

*Неодетая она ушла,
Взяв мои изогнутые плечи.
Где-нибудь она теперь далече
И другого нежно обняла.*

*Может быть, склоняясь к нему,
Про меня она совсем забыла
И, вперившись в призрачную тьму,*

Складки губ и рта переменяла.

*Но живет по звуку прежних лет,
Что, как эхо, бродит за горами,
Я целую синими губами
Черной тенью тиснутый портрет.*

<1916>

«Прячет месяц за овинами...»

*Прячет месяц за овинами
Желтый лик от солнца яркого.
Высоко над луговинами
По востоку пышет зарево.*

*Пеной рос заря туманится,
Словно глубь очей невестиных.
Прибрела весна, как странница,
С посошком в лаптях берестяных.*

*На березки в роще теневой
Серьги звонкие повесила
И с рассветом в сад сиреневый
Мотыльком порхнула весело.*

<1916>

Голубень

*В прозрачном холоде заголубели
долы,
Отчетлив стук подкованных ко-
пыт,
Трава поблекшая в расстеленные
полы
Сбирает медь с обветренных ра-
кит.*

*С пустых лощин ползет дугою
тощей
Сырой туман, курчаво свившись в
мох,
И вечер, свесившись над речкою,
полощет
Водю белой пальцы синих ног.*

** * **

*Осенним холодом расцвечены на-
дежды,
Бредет мой конь, как тихая судь-
ба,
И ловит край махающей одежды
Его чуть мокрая буланая губа.*

*В дорогу дальнюю, ни к битве, ни
к покою,
Влекут меня незримые следы,
Погаснет день, мелькнув пятой
златою,
И в короб лет улягутся труды.*

** * **

*Сыпучей ржавчиной краснеют по
дороге
Холмы плешивые и слегшийся пе-
сок,
И пляшет сумрак в галочьей тре-
воге,
Согнув луну в пастушеский ро-
жок.*

*Молочный дым качает ветром
села,
Но ветра нет, есть только лег-
кий звон.
И дремлет Русь в тоске своей ве-
селой,
Вцепивши руки в желтый кру-
тосклон.*

** * **

Манит ночлег, недалеко до хаты,

Укропом вялым пахнет огород.
На грядки серые капуста волнова-
той
Рожок луны по капле масло льет.

Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость
хлеба
И с хрустом мысленно кусаю
огурцы,
За ровной гладью вздрогнувшее
небо
Выводит облако из стойла под
узды.

* * *

Ночлег, ночлег, мне издавна зна-
кома
Твоя попутная разымчивость в
крови,
Хозяйка спит, а свежая солома
Примята ляжками вдовеющей
любви.

Уже светает, краской тараканьей
Обведена божница по углу,
Но мелкий дождь своей молитвой
ранней

Еще стучит по мутному стеклу.

** * **

*Опять передо мною голубое поле,
Качают лужи солнца рдяный лик.
Иные в сердце радости и боли,
И новый говор липнет на язык.*

*Водою зыбкой стынет синь во взо-
рах,
Бредет мой конь, откинув удила,
И горстью смуглою листвы по-
следний ворох
Кидает ветер вслед из подола.*

<1916>

«Даль подернулась туманом...»

*Даль подернулась туманом,
Чешет тучи лунный гребень.
Красный вечер за куканом
Расстелил кудрявый бредень.*

*Под окном от скользких вётел
Перепёльи звоны ветра.
Тихий сумрак, ангел теплый,
Напоен нездешним светом.*

*Сон избы легко и ровно
Хлебным духом сеет притчи.
На сухой соломе в дровнях
Слаще меда пот мужичий.*

*Чей-то мягкий лик за лесом,
Пахнет вишнями и мохом...
Друг, товарищ и ровесник,
Помолись коровьим вздохам.*

Июнь 1916

«Не бродить, не мять в кустах багряных...»

*Не бродить, не мять в кустах
багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.*

*С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.*

*Зерна глаз твоих осыпались, завя-
ли,
Имя тонкое растаяло, как звук.
Но остался в складках смятой
шали
Запах меда от невинных рук.*

*В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.*

Пусть порой мне шепчет синий

*вечер,
Что была ты песня и мечта,
Все ж, кто выдумал твой гибкий
стан и плечи,
К светлой тайне приложил уста.*

*Не бродить, не мять в кустах
багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.*

<1916>

«То не тучи бродят за овином...»

*То не тучи бродят за овином
И не холод.
Замесила Божья Матерь сыну
Колоб.*

*Всякой снадобью она поила жито
В масле.
Испекла и положила тихо
В ясли.*

*Заигрался в радости младенец,
Пал в дрему,*

Уронил он колоб золоченый
На солому.

Покатился колоб за ворота
Рожью.
Замутили слезы душу голубую
Божью.

Говорила Божья Матерь сыну
Советы:
«Ты не плачь, мой лебеденочек,
Не сетуй.

На земле все люди человеки,
Чада.
Хоть одну им малую забаву
Надо.

Жутко им меж темных
Перелесиц,
Назвала я этот колоб —
Месяц».

1916

«Ночь и поле, и крик петухов...»

*Ночь и поле, и крик петухов...
С златной тучки глядит Саваоф.
Хлесткий ветер в равнинную синь
Катит яблоки с тощих осин.*

*Вот она, невеселая рябь
С журавлиной тоской сентября!
Смолкшим колоколом над прудом
Опрокинулся отчий дом.*

*Здесь все так же, как было тогда,
Те же реки и те же стада.
Только ивы над красным бугром
Обветшалым трясут подолом.*

*Кто-то сгиб, кто-то канул во
тьму,
Уж кому-то не петь на холму.
Мирно грезит родимый очаг
О погибших во мраке плечах.*

*Тихо, тихо в божничном углу,
Месяц месит кутью на полу...
Но тревожит лишь помином*

тишь
Из запечья пугливая мышь.
<1916–1922>

«Твой глас незримый, как дым в избе...»

*Твой глас незримый, как дым в избе.
Смиренным сердцем молюсь тебе.*

*Овсяным ликом питаю дух,
Помощник жизни и тихий друг.*

*Рудою солнца посеян свет,
Для вечной правды названья нет.*

*Считает время песок мечты,
Но новых зерен прибавил ты.*

*В незримых пашнях растут слова,
Смешалась с думой ковыль-трава.*

*На крепких сгибах воздетых рук
Возводит церкви строитель звук.*

*Есть радость в душах – топтать
твой цвет,
На первом снеге свой видеть след.*

*Но краше кротость и стихший
пыл
Склонивших веки пред звоном
крыл.*

1916

Пропавший месяц

*Облак, как мышь,
подбежал и взмахнул
В небо огромным хвостом.
Словно яйцо,
расколовшись, скользнул
Месяц за дальним холмом.*

*Солнышко утром в колодезь озер
Глянуло —
месяца нет...
Свесило ноги оно на бугор,
Кликнуло —
месяца нет.*

Клич тот услышал с реки рыбо-

лов,
Вздумал старик подшутить.
Отраженье от солнышка
с утренних вод
Стал он руками ловить.

Выловил.
Крепко скрутил бечевой,
Уши коленом примял.
Вылез и тихо на луч золотой
Солнечных век
привязал.

Солнышко к Богу глаза подняло
И сказало:
«Тяжеск мой труд!»
И вдруг солнышку
что-то веки свело,
Оглянулося – месяц как тут.

Как белка на ветке, у солнца в
глазах
Запрыгала радость...
Но вдруг...
Луч оборвался, и по скользким
холмам
Отраженье скатилось в луг.

*Солнышко испугалось...
А старый дед,
Смеясь, грохотал, как гром.
И голубем синим
вечерний свет
Махал ему в рот крылом.*

<1917?>

«Колокольчик среброзвонный...»

*Колокольчик среброзвонный,
Ты поешь? Иль сердцу снится?
Свет от розовой иконы
На золотых моих ресницах.*

*Пусть не я тот нежный отрок
В голубином крыльев плеске,
Сон мой радостен и кроток
О нездешнем перелеске.*

*Мне не нужен вздох могилы,
Слову с тайной не обняться.
Научи, чтоб можно было
Никогда не просыпаться.*

<1917>

«Песни, песни, о чем вы кричите?..»

*Песни, песни, о чем вы кричите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать.*

*Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезд учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.*

*Хорошо в эту лунную осень
Бродить по траве одному
И собирать на дороге колосья
В обнищалую душу-суму.*

*Но равнинная синь не лечит.
Песни, песни, иль вас не стрях-
нуть?..
Золотистой метелкой вечер
Расчищает мой ровный путь.*

*И так радостен мне над пущей
Замирающий в ветре крик:
«Будь же холоден ты, живущий,
Как осеннее золото лип».*

1917

«Отвори мне, страж заоблачный...»

*Отвори мне, страж заоблачный,
Голубые двери дня.
Белый ангел этой полночью
Моего увел коня.*

*Богу лишнего не надобно,
Конь мой – мощь моя и крепь.
Слышу я, как ржет он жалобно,
Закусив золотую цепь.*

*Вижу, как он бьется, мечется,
Теребя тугой аркан,
И летит с него, как с месяца,
Шерсть буланая в туман.*

1917

«Нивы сжаты, рощи голы...»

*Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.*

*Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем, совсем немного
Ждать зимы седой осталось.*

*Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.*

1917

«Я по первому снегу бреду...»

*Я по первому снегу бреду.
В сердце ландыши вспыхнувших
сил.
Вечер синюю свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.*

*Я не знаю – то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях,
Это лебеди сели на луг.*

*Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз.
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.*

*О лесная, дремучая муть!
О веселье оснеженных нив!
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.*

1917

«О Матерь Божья...»

*О Матерь Божья,
Спади звездой
На бездорожье,
В овраг глухой.*

*Пролей, как масло,
Власа луны
В мужичьи ясли
Моей страны.*

*Срок ночи долог.
В них спит твой сын.
Спусти, как полог,
Зарю на синь.*

*Окинь улыбкой
Мирскую весь
И солнце зыбкой
К кустам привесь.*

*И да възграет
В ней, славя день,
Земного рая
Святой младень.*

1917

«Тучи с ожерёба...»

*Тучи с ожерёба
Ржут, как сто кобыл,
Плещет надо мною
Пламя красных крыл.*

*Небо словно вымя,
Звезды как сосцы.
Пухнет Божье имя
В животе овцы.*

*Верю: завтра рано,
Чуть забрезжит свет,
Новый под туманом
Вспыхнет Назарет.*

*Новое восславят
Рождество поля,
И, как пес, пролает
За горой заря.*

*Только знаю: будет
Страшный вопль и крик,
Отрекутся люди
Славить новый лик.*

*Скрежетом булата
Вздыбят пасть земли...
И со щек заката
Спрыгнут скулы-дни.*

*Побегут, как лани,
В степь иных сторон,
Где вздымает длани
Новый Симеон.*

<1917>

«Гляну в поле, гляну в небо...»

*Гляну в поле, гляну в небо,
И в полях и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.*

*Снова в рощах непасенных
Неизбывные стада,
И струится с гор зеленых
Златоструйная вода.*

*О, я верю – знать, за муки
Над пропащим мужиком
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.*

15 августа 1917

«О Русь, взмахни крылами...»

*О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.*

*По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в золотой ряднине
Твой Алексей Кольцов.*

*В руках – краюха хлеба,
Уста – вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.*

*За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет одетый светом
Его середний брат.*

*От Вытегры до Шуи
Он избродил весь край
И выбрал кличку – Ключев,
Смиренный Миколай.*

Монашья мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной Бога
Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,

Певуч, как снег и дол.

*Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.*

*Довольно гнить и ноять,
И славить взлетом гнусь —
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.*

*Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.*

1917

«Разбуди меня завтра рано...»

*Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.*

*Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной ку-
щей
Золотую его дугу.*

*На рассвете он завтра промчит-
ся,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.*

*Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.*

*Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется*

Молоко твоих рыжих коров.

1917

«Теперь любовь моя не та...»

Клюеву

*Теперь любовь моя не та.
Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь
О том, что лунная метла
Стихов не расплескала лужи.*

*Грустя и радуясь звезде,
Спадающей тебе на брови,
Ты сердце выпеснил избе,
Но в сердце дома не построил.*

*И тот, кого ты ждал в ночи,
Прошел, как прежде, мимо крова.
О друг, кому ж твои ключи
Ты золотил поющим словом?*

*Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидать рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.*

1918

«Вот оно, глупое счастье...»

*Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.*

*Здравствуй, золотое затишье
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.*

*Где-то за садом, несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.*

*Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!*

1918

«Я покинул родимый дом...»

*Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.*

*Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.*

*Я не скоро, не скоро вернусь.
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.*

*И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого что тот старый клен
Головой на меня похож.*

1918

«Хорошо под осеннюю свежесть...»

*Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И смотреть, как над речкою ре-
жет
Воду синюю солнца соха.*

*Хорошо выбивать из тела
Накаляющий песни гвоздь
И в одежде празднично белой
Ждать, когда постучится гость.*

*Я учусь, я учусь моим сердцем
Цвет черемух в глазах беречь,
Только в скупости чувства гре-
ются,
Когда ребра ломает течь.*

*Молча ухает звездная звонница,
Что ни лист, то свеча заре.
Никого не впущу я в горницу,
Никому не открою дверь.*

1918

«Закружилась листва золотая...»

*Закружилась листва золотая.
В розоватой воде на пруду
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду.*

*Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.*

*И в душе и в долине прохлада,
Синий сумрак как стадо овец,
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.*

*Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть.
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.*

*Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где, моя тихая радость —
Все любя, ничего не желать?*

1918

Хулиган

Дождик мокрыми метлами чи-
стит
Ивняковый помет по лугам.
Плюйся, ветер, охапками ли-
сьев,
Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи,
Как с тяжелой походкой волю,
Животами, листвой хрипящими,
По коленкам марают стволы.

Вот оно, мое стадо рыжее!
Кто ж воспеть его лучше мог?
Вижу, вижу, как сумерки лижут
Следы человеческих ног.

Русь моя! Деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берез!
Словно хочет кого придушить

Руками крестов погост!

*Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад.
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.*

*Кто видал, как в ночи кипит
Кипяченых черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять.*

*Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.*

*Но не бойся, безумный ветер,
Плюй спокойно листвой по лугам.
Не сотрет меня кличка «поэт»,
Я и в песнях, как ты, хулиган.*

1919

«Ветры, ветры, о снежные ветры...»

*Ветры, ветры, о снежные ветры,
Заметите мою прошлую жизнь.
Я хочу быть отроком светлым
Иль цветком с луговой межи.*

*Я хочу под гудок пастуший
Умереть для себя и для всех.
Колокольчики звездные в уши
Насыпает вечерний снег.*

*Хороша бестуманная трель его,
Когда топит он боль в пурге.
Я хотел бы стоять, как дерево,
При дороге на одной ноге.*

*Я хотел бы под конские храпы
Обниматься с соседним кустом.
Подымайте ж вы, лунные лапы,
Мою грусть в небеса ведром.*

<1919–1920>

«**Душа грустит о небесах...»**»

*Душа грустит о небесах,
Она не здешних нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.*

*То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.*

*Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.*

*Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.*

1919

«Я последний поэт деревни...»

Мариенгофу

*Я последний поэт деревни,
Скромнен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвою берез.*

*Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.*

*На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость,
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.*

*Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.*

*Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные*

Прохрипят мой двенадцатый час!

<1920>

«По-осеннему кычет сова...»

*По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.*

*Полевое, степное «ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяца, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.*

*Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.*

*Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветер,
По-осеннему шепчут листья.*

1920

«Мир таинственный, мир мой древний...»

*Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.*

*Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!*

*Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.*

*Жилист мускул у дьявольской выи
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же? Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.*

Пусть для сердца тягуче колко,
Это песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных
недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого
недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой люби-
мый!
Ты не даром даешься ножу!
Как и ты, я, отовсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты, я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный
прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зарююсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

1921

«Не жалею, не зову, не плачу...»

*Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь
дым.*

*Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.*

*Ты теперь не так уж будешь
биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.*

*Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеляешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.*

*Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя! иль ты приснилась
мне?*

*Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.*

Все мы, все мы в этом мире тлен-

ны,
Тихо льется с кленов листьев
медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.

1921

«Все живое особой метой...»

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».

И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипяtkовая вязь,

*Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.*

*Золотая словесная грудка,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаля
Забияки и сорванца.*

*Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.*

*И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».*

Февраль 1922

«Не ругайтесь! Такое дело!..»

*Не ругайтесь! Такое дело!
Не торговец я на слова.
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.*

*Нет любви ни к деревне, ни к горо-
ду,
Как же смог я ее донести?
Брошу все. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.*

*Позабуду поэмы и книги,
Перекину за плечи суму,
Оттого что в полях забулдыге
Ветер больше поет, чем кому.*

*Провоняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять.*

*И не нужно мне лучшей удачи,
Лишь забыться и слушать пургу,
Оттого что без этих чудачеств
Я прожить на земле не могу.*

«Я обманывать себя не стану...»

*Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мглито-
стом.*

*Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?*

*Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по
темницам.*

*Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.*

*Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.*

*Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя ле-
чит.*

Я хожу в цилиндре не для женщин

—
В глупой страсти сердце жить не
в силе, —
В нем удобней, грусть свою умень-
шив,
Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею.
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший гал-
стук.

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омутъ в сердце
мглистом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандали-
стом.

1922

«Да! Теперь решено. Без возврата...»

*Да! Теперь решено. Без возврата
Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.*

*Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне Бог.*

*Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях,
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.*

*А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.*

*Шум и гам в этом логове жут-
ком,
Но всю ночь напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам*

И с бандитами жарю спирт.

*Сердце бьется все чаще и чаще,
И уж я говорю невпопад:
Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад.*

*Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне Бог.*

1922

«Сыпь, гармоника! Скука... Скука...»

*Сыпь, гармоника! Скука... Скука...
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной.*

*Излюбили тебя, измызгали,
Невтерпеж!
Что ж ты смотришь так синими
брызгами?
Иль в морду хошь?*

В огород бы тебя, на чучело,

Пугать ворон.
До печенок меня замучила
Со всех сторон.

Сыпь, гармоника! Сыпь, моя
частая!
Пей, выдра! Пей!
Мне бы лучше вон ту, сисястую,
—
Она глупей.

Я средь женщин тебя не первую,
Немало вас,
Но с такой вот, как ты, со стер-
вою
Лишь в первый раз.

Чем больше, тем звонче,
То здесь, то там.
Я с собой не покончу,
Иди к чертям.

К вашей своре собачьей
Пора простыть.
Дорогая... я плачу...
Прости... прости...

<1922>

«Пой же, пой. На проклятой гитаре...»

*Пой же, пой. На проклятой гитаре
Пальцы пляшут твои в полукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный
друг.*

*Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.*

*Я не знал, что любовь – зараза,
Я не знал, что любовь – чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.*

*Пой, мой друг. Навей мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она другова,
Молодая, красивая дрянь.*

*Ах, постой. Я ее не ругаю.
Ах, постой. Я ее не кляну.
Дай тебе про себя я сыграю*

Под басовую эту струну.

*Льется дней моих розовый купол.
В сердце снов золотых сума.
Много девушек я перещупал,
Много женщин в углах прижмал.*

*Да! есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:
Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком.*

*Так чего ж мне ее ревновать.
Так чего ж мне болеть такому.
Наша жизнь – простыня да кровать.
Наша жизнь – поцелуй да в омут.*

*Пой же, пой! В роковом размахе
Этих рук роковая беда.
Только знаешь, пошли их на...
Не умру я, мой друг, никогда.*

<1922>

Прощание с Мариенгофом

*Есть в дружбе счастье оголтелое
И судорога буйных чувств —
Огонь растапливает тело,
Как стеариновую свечу.*

Возлюбленный мой! дай мне руки
—

*Я по-иному не привык, —
Хочу омыть их в час разлуки
Я желтой пеной головы.*

*Ах, Толя, Толя, ты ли, ты ли,
В который миг, в который раз —
Опять, как молоко, застыли
Круги недвижущихся глаз.*

*Прощай, прощай. В пожарах лун-
ных*

*Дождусь ли радостного дня?
Среди прославленных и юных
Ты был всех лучше для меня.*

*В такой-то срок, в таком-то годе
Мы встретимся, быть может,
вновь...*

Мне страшно, – ведь душа прохо-
дит,
Как молодость и как любовь.

Другой в тебе меня заглушит.
Не потому ли – в лад речам —
Мои рыдающие уши,
Как весла, плещут по плечам?

Прощай, прощай. В пожарах лун-
ных
Не зреть мне радостного дня.
Но все ж средь трепетных и юных
Ты был всех лучше для меня.

<1922>

«Мне осталась одна забава...»

*Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.*

*Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в Бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.*

*Золотые, далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.*

*Дар поэта – ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.*

*Пусть не сладились, пусть не сбы-
лись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились*

Значит, ангелы жили в ней.

*Вот за это веселие мучи,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со
мною, —*

*Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубаш-
ке
Под иконами умирать.*

1923

«Я усталым таким еще не был...»

*Я усталым таким еще не был.
В эту серую морозь и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.*

*Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну,
Не от этого ль темная сила
Приучила меня к вину.*

*Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не впервь!
Не с того ли глаза мне точит,
Словно синие листья червь?*

*Не больна мне ничья измена,
И не радует легкость побед, —
Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.*

*Превращается в пепел и воды,
Когда цедит осенняя муть.
Мне не жаль вас, прошедшие годы,
—
Ничего не хочу вернуть.*

Я устал себя мучить без цели,
И с улыбкою странной лица
Полюбил я носить в легком теле
Тихий свет и покой мертвеца...

И теперь даже стало не тяжело
Ковылять из притона в притон,
Как в смирительную рубашку,
Мы природу берем в бетон.

И во мне, вот по тем же законам,
Умиряется бешеный пыл.
Но и все ж отношусь я с покло-
ном
К тем полям, что когда-то лю-
бил.

В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве, —
Шлю привет воробьям, и воро-
нам,
И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весенние дали:
«Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я отскандалил, —
Пусть хоть ветер теперь начина-
ет

Под микитки дубасить рожь».

<1923>

«Заметался пожар голубой...»

*Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь сканда-
лить.*

*Был я весь как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без огляд-
ки.*

*Мне бы только смотреть на те-
бя,
Видеть глаз златокарий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.*

*Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упор-
ным,
Как умеет любить хулиган,*

Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я воспел про любовь,
В первый раз отрекаюсь сканда-
лить.

1923

«Ты такая ж простая, как все...»

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанях.

Я на эти иконы плевал,

Чтил я грубость и крик в повесе,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог —
Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,
Словно в листья, в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

1923

«Пускай ты выпита другим...»

*Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.*

*О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.*

*Я сердцем никогда не лгу
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.*

*Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце напилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.*

*И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.*

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то
ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

1923

«Дорогая, сядем рядом...»

*Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.*

*Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых —
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.*

*Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.*

*Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.*

*Там теперь такая ж осень...
Клен и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.*

Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости.

Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

9 октября 1923

«Мне грустно на тебя смотреть...»

*Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой оста-
лась.*

*Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.*

*Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и сы-
рость.*

*Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.*

*Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад*

В берез изглоданные кости.

*Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.*

1923

«Ты прохладой меня не мучай...»

*Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне лет.
Одержимый тяжелой падучей,
Я душой стал, как желтый скелет.*

*Было время, когда из предместья
Я мечтал по-мальчишески – в
дым,
Что я буду богат и известен
И что всеми я буду любим.*

*Да! Богат я, богат с излишком.
Был цилиндр, а теперь его нет.
Лишь осталась одна манишка
С модной парой избитых штиб-
лет.*

*И известность моя не хуже,
От Москвы по парижскую рвань
Мое имя наводит ужас,
Как заборная, громкая брань.*

*И любовь, не забавное ль дело?
Ты целуешь, а губы как жесть.
Знаю, чувство мое перезрело,
А твое не сумеет расцвести.*

*Мне пока горевать еще рано,
Ну, а если есть грусть – не беда!
Золотей твоих кос по курганам
Молодая шумит лебеда.*

*Я хотел бы опять в ту мест-
ность,
Чтоб под шум молодой лебеды
Утонуть навсегда в неизвест-
ность
И мечтать по-мальчишески – в
дым.*

*Но мечтать о другом, о новом,
Непонятном земле и траве,
Что не выразить сердцу словом
И не знает назвать человек.*

1923

Сукин сын

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.

Нынче – юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен,
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незнаком,
Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом
в синь,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом
И как друга введу тебя в дом...
Да, мне нравилась девушка в бе-
лом,
Но теперь я люблю в голубом.

31 июля 1924

«Этой грусти теперь не рассыпать...»

*Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.*

*Для меня было все тогда новым,
Много в сердце теснилось чувств,
А теперь даже нежное слово
Горьким плодом срывается с уст.*

*И знакомые взору просторы
Уж не так под луной хороши.
Буераки... пеньки... косогоры
Обпечалили русскую ширь.*

*Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая серая гладь.
Это все мне родное и близкое,
От чего так легко зарыдать.*

*Покосившаяся избенка,
Плач овцы, и вдали на ветру
Машет тощим хвостом лоша-
денка,
Заглядевшись в неласковый пруд.*

Это все, что зовем мы родиной,
Это все, отчего на ней
Пьют и плачут в одно с непогоди-
ной,
Дожидаясь улыбчивых дней.

Потому никому не рассыпать
Эту грусть смехом ранних лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

1924

«Низкий дом с голубыми ставнями...»

Низкий дом с голубыми ставня-
ми,
Не забыть мне тебя никогда, —
Слишком были такими недавни-
ми
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею

И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской ду-
ши.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветь,
Да ракитник кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года.
Низкий дом с голубыми ставня-
ми,
Не забыть мне тебя никогда.

<1924>

Возвращение на родину

*Я посетил родимые места,
Ту сельщину,
Где жил мальчишкой,
Где каланчой с березовою вышкой
Взметнулась колокольня без креста.*

*Как много изменилось там,
В их бедном, неприглядном быте.
Какое множество открытий
За мною следовало по пятам.*

*Отцовский дом
Не мог я распознать:
Приметный клен уж под окном
не машет,
И на крылечке не сидит уж мать,
Кормя цыплят крупитчатую кашей.*

*Стара, должно быть, стала...
Да, стара.
Я с грустью озираюсь на окрестность.
Какая незнакомая мне мест-*

ность!
Одна, как прежняя, белеется гора,
Да у горы
Высокий серый камень.

Здесь кладбище!
Подгнившие кресты,
Как будто в рукопашной мертве-
цы
Застыли с распростертыми рука-
ми.

По тропке, опершись на подожок,
Идет старик, сметая пыль с бу-
рьяна.

«Прохожий!
Укажи, дружок,
Где тут живет Есенина Татья-
на?»

«Татьяна... Гм...
Да вон за той избой.
А ты ей что?
Сродни?
Аль, может, сын пропащий?»

«Да, сын.

Но что, старик, с тобой?

Скажи мне,
Отчего ты так глядишь скорбя-
ще?»

«Добро, мой внук,
Добро, что не узнал ты деда!..»
«Ах, бабушка, ужели это ты?»
И полилась печальная беседа
Слезами теплыми на пыльные
цветы.

.....

«Тебе, пожалуй, скоро будет
тридцать...
А мне уж девяносто...
Скоро в гроб.
Давно пора бы было воротиться».
Он говорит, а сам все морщит
лоб.

«Да!.. Время!..
Ты не коммунист?»
«Нет!..»
«А сестры стали комсомолки.
Такая гадость! Просто удавись!

*Вчера иконы выбросили с полки,
На церкви комиссар снял крест.
Теперь и Богу негде помолиться.
Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам...
Может, пригодится...
Пойдем домой —
Ты все увидишь сам».*

*И мы идем, топча межой кукольной.
Я улыбаюсь пашням и лесам,
А дед с тоской глядит на колокольню.*

*.....
.....*

*«Здорово, мать! Здорово!»
И я опять тяну к глазам платок.
Тут разрыдаться может и королева,
Глядя на этот бедный уголок.*

*На стенке календарный Ленин.
Здесь жизнь сестер,
Сестер, а не моя, —
Но все ж готов упасть я на коле-*

ни,
Увидев вас, любимые края.

Пришли соседи...
Женщина с ребенком.
Уже никто меня не узнает.

По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.

Ах, милый край!
Не тот ты стал,
Не тот.
Да уж и я, конечно, стал не преж-
ний.
Чем мать и дед грустней и безна-
дежней,
Тем веселей сестры смеется рот.

Конечно, мне и Ленин не икона,
Я знаю мир...
Люблю мою семью...
Но отчего-то все-таки с покло-
ном
Сажусь на деревянную скамью.

«Ну, говори, сестра!»

*И вот сестра разводит,
Раскрыв, как Библию, пузатый
«Капитал»,
О Марксе,
Энгельсе...
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.*

*И мне смешно,
Как шустрая девчонка
Меня во всем за шиворот берет...*

.....
.....

*По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.
1 июня 1924*

Стансы

Посвящается П. Чагину

Я о своем таланте
Много знаю.
Стихи – не очень трудные дела.
Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла.

Стишок писнуть,
Пожалуй, всякий может —
О девушке, о звездах, о луне...
Но мне другое чувство
Сердце гложет,
Другие думы
Давят череп мне.

Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,

Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном —

В великих штатах СССР.

*Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить
Не в сноровке,
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали
В тигулевке.*

*Благодарю за дружбу граждан
сих,
Но очень жестко
Спать там на скамейке
И пьяным голосом
Читать какой-то стих
О клеточной судьбе
Несчастной канарейки.*

*Я вам не кенар!
Я поэт!
И не чета каким-то там Демья-
нам.
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрений дивных свет.*

*Я вижу всё
И ясно понимаю,*

Что эра новая —
Не фунт изюму вам,
Что имя Ленина
Шумит, как ветер, по краю,
Давая мыслям ход,
Как мельничным крылам.

Вертитесь, милые!
Для вас обещан прок.
Я вам племянник,
Вы же мне все дяди.
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Понюхаем премудрость
Скучных строк.

Дни, как ручьи, бегут
В туманную реку.
Мелькают города,
Как буквы по бумаге.
Недавно был в Москве,
А нынче вот в Баку.
В стихию промыслов
Нас посвящает Чагин.

«Смотри, – он говорит, —
Не лучше ли церквей
Вот эти вышки

Черных нефть-фонтанов,
Довольно с нас мистических туманов,
Воспой, поэт,
Что крепче и живей».

Нефть на воде,
Как одеяло перса,
И вечер по небу
Рассыпал звездный куль.
Но я готов поклясться
Чистым сердцем,
Что фонари
Прекрасней звезд в Баку.

Я полон дум об индустриальной мощи,
Я слышу голос человеческих сил.
Довольно с нас
Небесных всех светил —
Нам на земле
Устроить это проще.

И, самого себя
По шее глядя,
Я говорю:

«Настал наш срок,

Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Чтоб разгадать
Премудрость скучных строк».
1924

Поэтам грузии

Писали раньше
Ямбом и октавой.
Классическая форма
Умерла,
Но нынче, в век наш
Величавый,
Я вновь ей вздернул
Удила.

Земля далекая!
Чужая сторона!
Грузинские кремнистые дороги.
Вино янтарное
В глаза струит луна,
В глаза глубокие,
Как голубые роги.

Поэты Грузии!
Я ныне вспомнил вас.

Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!

Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.

Я – северный ваш друг
И брат!
Поэты – все единой крови.
И сам я тоже азиат
В поступках, в помыслах
И слове.

И потому в чужой
Стране
Вы близки
И приятны мне.

Века все смелют,
Дни пройдут,
Людская речь
В один язык сольется.
Историк, сочиняя труд,

Над нашей рознью улыбнется.

Он скажет:
В пропасти времен
Есть изысканья и приметы...
Дрались сонмища племен,
Зато не ссорились поэты.

Свидетельствует
Вещий знак:
Поэт поэту
Есть кунак.

Самодержавный
Русский гнет
Сжимал все лучшее за горло,
Его мы кончили —
И вот
Свобода крылья распростерла.

И каждый в племени своем,
Своим мотивом и наречьем,
Мы всяк
По-своему поем,
Поддавшись чувствам
Человечьим...

Свершился дивный

Рок судьбы:

*Уже мы больше
Не рабы.*

*Поэты Грузии,
Я ныне вспомнил вас,
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!..*

*Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.*

1924

На кавказе

*Издревле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.*

*Здесь Пушкин в чувственном огне
Слагал душой своей опальной:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».*

*И Лермонтов, тоску леча,
Нам рассказал про Азамата,
Как он за лошадь Казбича
Давал сестру вместо злата.*

*За грусть и желчь в своем лице
Кипенья желтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен.*

*И Грибоедов здесь зарыт,
Как наша дань персидской хмари,
В подножии большой горы
Он спит под плач зурны и тари.*

А ныне я в твою безгладь
Пришел, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрыдать
Иль подсмотреть свой час кончи-
ны!

Мне все равно! Я полон дум
О них, ушедших и великих.
Их исцелял гортанный шум
Твоих долин и речек диких.

Они бежали от врагов
И от друзей сюда бежали,
Чтоб только слышать звон ша-
гов
Да видеть с гор глухие дали.

И я от тех же зол и бед
Бежал, навек простясь с богемой,
Зане созрел во мне поэт
С большой эпической темой.

Мне мил стихов российский жар,
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.

И Клюев, ладожский дьячок,

*Его стихи как телогрейка,
Но я их вслух вчера прочел —
И в клетке сдохла канарейка.*

*Других уж нечего считать,
Они под хладным солнцем зреют.
Бумаги даже замарать
И то как надо не умеют.*

*Прости, Кавказ, что я о них
Тебе промолвил ненароком,
Ты научи мой русский стих
Кизиловым струиться соком.*

*Чтоб, воротясь опять в Москву,
Я мог прекраснейшей поэмой
Забить ненужную тоску
И не дружить вовек с богемой.*

*И чтоб одно в моей стране
Я мог твердить в свой час про-
щальный:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».*

Сентябрь 1924 Тифлис

Письмо матери

*Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей из-
бушкой
Тот вечерний несказанный свет.*

*Пишут мне, что ты, тая трево-
гу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.*

*И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой
драке
Саданул под сердце финский нож.*

*Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.*

*Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,*

Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что от мечталось,
Не волнуй того, что не сбылось,
—

Слишком раннюю утрату и уста-
лость
Испытать мне в жизни приве-
лось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

<1924>

Письмо к женщине

*Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.*

*Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.*

*Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.*

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму

Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстоянье.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянье.

Земля – корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гушу бурь и вьюг
Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе больш-
шой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я,
Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,

Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был —
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрачивал в скандалах.

Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...

.....
Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.

И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!

Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную уста-
лость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был
И что со мною случилось!

Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.

За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ла-Манша.

Простите мне...
Я знаю: вы не та —
Живете вы
С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.

Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.

<1924>

«Мы теперь уходим понемногу...»

*Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благо-
дать.*

*Может быть, и скоро мне в доро-
гу
Бренные пожитки собирать.*

*Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.*

*Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь!*

*Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и
жил.*

*Счастлив тем, что целовал я
женщин,*

Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших мень-
ших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не бу-
дет
Этих нив, златящихся во мгле...
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

1924

«Годы молодые с забубенной славой...»

*Годы молодые с забубенной сла-
вой,
Отравил я сам вас горькою отра-
вой.*

*Я не знаю: мой конец близок ли,
далек ли,
Были синие глаза, да теперь по-
блекли.*

*Где ты, радость? Темь и жуть,
грустно и обидно.
В поле, что ли? В кабаке? Ничего
не видно.*

*Руки вытяну и вот – слушаю на
ощупь:
Едем... кони... сани... снег... проез-
жаем рошу.*

*«Эй, ямщик, неси вовсю! Чай, рож-
ден не слабым!
Душу вытрясти не жаль по та-
ким ухабам».*

А ямщик в ответ одно: «По такой метели
Очень страшно, чтоб в пути лошади вспотели».

«Ты, ямщик, я вижу, трус. Это не с руки нам!»
Взял я кнут и ну стегать по лошажьим спинам.

Бью, а кони, как метель, снег разносят в хлопья.
Вдруг толчок... и из саней прямо на сугроб я.

Встал и вижу: что за черт – вместо бойкой тройки...
Забинтованный лежу на больничной койке.

И заместо лошадей по дороге тряской
Бью я жесткую кровать мокрую повязкой.

На лице часов в усы закрутились стрелки.

*Наклонились надо мной сонные
сиделки.*

*Наклонились и хрипят: «Эх ты,
златоглавый,
Отравил ты сам себя горькою
отравой.*

*Мы не знаем: твой конец близок
ли, далек ли.
Синие твои глаза в кабаках про-
мокли».*

1924

«Отговорила роща золотая...»

*Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.*

*Кого жалеть? Ведь каждый в ми-
ре
странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит
дом.
О всех ушедших грезит конопля-*

ник
С широким месяцем
над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в
даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не
жаль.

Не жаль мне лет, растроченных
напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины крас-
ной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет тра-
ва.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный
ком...
Скажите так... что роца золо-

тая
Отговорила милым языком.
1924

**«Улеглась моя былая рана...»
(Персидские мотивы)**

*Улеглась моя былая рана,
Пьяный бред не гложет сердце
мне.
Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.*

*Сам чайханищик с круглыми пле-
чами,
Чтобы славилась пред русским
чайхана,
Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.*

*Угощай, хозяин, да не очень.
Много роз цветет в твоём саду.
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.*

*Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,*

*Поцелуям учимся без денег,
Без кинжальных хитростей и
драк.*

*Ну а этой за движенья стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю.*

*Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе вовеки не солгу.
За себя я нынче отвечаю,
За тебя ответить не могу.*

*И на дверь ты взглядывай не
очень,
Все равно калитка есть в саду...
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.*

1924

**«Я спросил сегодня у менялы...»
(Персидские мотивы)**

*Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по руб-
лю,
Как сказать мне для прекрасной
Лалы
По-персидски нежное «люблю»?*

*Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной
Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?*

*И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной
Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?*

*И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украд-
кой,
Да глаза, как яхонты, горят.*

*Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.*

*От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты моя» сказать лишь могут ру-
ки,
Что срывали черную чадру.*

1924

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!...» (Персидские мотивы)

*Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.*

*Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто
раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли?*

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ!

1924

«Ты сказала, что Саади...» (Персидские мотивы)

*Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, Бога ради,
Обучусь когда-нибудь!*

*Ты пропела: «За Ефратом
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.*

*Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне —
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.*

*И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.*

19 декабря 1924

«Никогда я не был на Босфоре...» (Персидские мотивы)

*Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.*

*Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.*

*Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени – Россия —
Я известный, признанный поэт.*

*У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий, синий край?*

*Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки*

Обвивали, словно два крыла.

*Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не клянусь,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.*

*Заглуши в душе тоску тальянки,
Напои дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.*

*И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумаю о нем.
Все равно – глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.*

21 декабря 1924

«Свет вечерний шафранного края...» (Персидские мотивы)

*Свет вечерний шафранного края,
Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.*

*Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотыльковый рой.
Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой.
Лунным светом Шираз осиянен.*

*Иль они от тепла застыли,
Закрывая телесную медь?
Или, чтобы их больше любили,
Не желают лицом загореть,
Закрывая телесную медь?*

*Дорогая, с чадрой не дружись,
Заучи эту заповедь вкратце,
Ведь и так коротка наша жизнь,
Мало счастьем дано любоваться.
Заучи эту заповедь вкратце.*

*Даже все некрасивое в роке
Осеньет своя благодать.
Потому и прекрасные щеки
Перед миром грешно закрывать,
Коль дала их природа-мать.*

*Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая.
Я спою тебе сам, дорогая,
То, что сроду не пел Хаям...
Тихо розы бегут по полям.*

1924

**«Воздух прозрачный и синий...»
(Персидские мотивы)**

*Воздух прозрачный и синий,
Выйду в цветочные чащи.
Путник, в лазурь уходящий,
Ты не дойдешь до пустыни.
Воздух прозрачный и синий.*

*Лугом пройдешь, как садом,
Садом в цветенье диком,
Ты не удержишься взглядом,
Чтоб не припасть к гвоздикам.
Лугом пройдешь, как садом.*

Шепот ли, шорох иль шелест —
Нежность, как песни Саади.
Вмиг отразится во взгляде
Месяца желтая прелесть,
Нежность, как песни Саади.

Голос раздастся перу,
Тихий, как флейта Гассана.
В крепких объятиях стана
Нет ни тревог, ни потери,
Только лишь флейта Гассана.

Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали.
Ветер благоуханный
Пью я сухими устами,
Ветер благоуханный.

<1925>

«Золото холодное луны...» (Персидские мотивы)

*Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.*

*Далеко-далече там Багдад,
Где жила и пела Шахразада.
Но теперь ей ничего не надо.
Отзвенел давно звеневший сад.*

*Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травой.
Ты же, путник, мертвым не внем-
ли,
Не склоняйся к плитам головою.*

*Оглянись, как хорошо кругом:
Губы к розам так и тянет, тя-
нет.
Помиришь лишь в сердце со врагом
—
И тебя блаженством ошаффра-
нит.*

*Жить – так жить, любить – так
уж
влюбляться.
В лунном золоте целуйся и гуляй,
Если ж хочешь мертвым
поклоняться,
То живых тем сном не отравляй.*

*Это пела даже Шахразада, —
Так вторично скажет листьев
медь.
Тех, которым ничего не надо,
Только можно в мире пожалеть.
<1925>*

«В Хороссане есть такие двери...» (Персидские мотивы)

*В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.*

*У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть.*

*Ни к чему в любви моей отвага.
И зачем? Кому мне песни петь? —
Если стала неревнивой Шага,
Коль дверей не смог я отпереть,
Ни к чему в любви моей отвага.*

*Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстаюсь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь.*

*До свиданья, пери, до свиданья.
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.*

Март 1925

**«БЫТЬ ПОЭТОМ – ЭТО ЗНАЧИТ ТО ЖЕ...»
(Персидские мотивы)**

*Быть поэтом – это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.*

*Быть поэтом – значит петь раз-
дольно,
Чтобы было для тебя известней.
Соловей поет – ему не больно,
У него одна и та же песня.*

*Канарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягуш-*

ка.

*Магомет перехитрил в Коране,
Запрещая крепкие напитки,
Потому поэт не перестанет
Пить вино, когда идет на пытки.*

*И когда поэт идет к любимой,
А любимая с другим лежит на ложе,
Влагою животельной хранимый,
Он ей в сердце не запустит ножик.*

*Но, горя ревнивою отвагой,
Будет вслух насвистывать до дома:
«Ну и что ж, помру себе бродягой.
На земле и это нам знакомо».*

Август 1925

**«Руки милой – пара лебедей...»
(Персидские мотивы)**

*Руки милой – пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.*

*Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.*

*Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою,
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотою.*

*Я не знаю, как мне жизнь про-
жить:
Догореть ли в ласках милой Шаги
Иль под старость трепетно ту-
жить
О прошедшей песенной отваге?*

*У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что – для глаза.*

*Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Ширази.*

*Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.*

<1925>

«Глупое сердце, не бейся!...» (Персидские мотивы)

*Глупое сердце, не бейся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участия...
Глупое сердце, не бейся.*

*Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь.
Лале склонясь на шальвары,
Я под чадрую укроюсь.
Глупое сердце, не бейся.*

*Все мы порою, как дети,
Часто смеемся и плачем:
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.*

Глупое сердце, не бейся.

*Многие видел я страны,
Счастья искал повсюду.
Только удел желанный
Больше искать не буду.
Глупое сердце, не бейся.*

*Жизнь не совсем обманула.
Новой нальемся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло
Здесь, на коленях у милой.
Жизнь не совсем обманула.*

*Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бейся.*

Август 1925

«Голубая да веселая страна...» (Персидские мотивы)

*Голубая да веселая страна.
Честь моя за песню продана.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?*

*Слышишь, роза клонится и гнет-
ся —
Эта песня в сердце отзовется.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?*

*Ты ребенок, в этом спора нет,
Да и я ведь разве не поэт?
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?*

*Дорогая Гелия, прости.
Много роз бывает на пути,
Много роз склоняется и гнется,
Но одна лишь сердцем улыбнется.*

*Улыбнемся вместе, ты и я,
За такие милые края.
Ветер с моря, тише дуй и вей —*

Слышишь, розу кличет соловей?

*Голубая да веселая страна.
Пусть вся жизнь моя за песню
продана,
Но за Гелию в тенях ветвей
Обнимает розу соловей.*

1925

«Море голосов воробьиных...»

*Море голосов воробьиных,
Ночь, а как будто ясно.
Так ведь всегда прекрасно.
Ночь, а как будто ясно,
И на устах невинных
Море голосов воробьиных.*

*Ах, у луны такое
Светит – хоть кинься в воду.
Я не хочу покоя
В синюю эту погоду.
Ах, у луны такое
Светит – хоть кинься в воду.*

*Милая, ты ли? та ли?
Эти уста не устали.*

*Эти уста, как в струях,
Жизнь утолят в поцелуях.
Милая, ты ли? та ли?
Розы ль мне то нашептали?*

*Сам я не знаю, что будет.
Близко, а может, гдей-то
Плачет веселая флейта.
В тихом вечернем гуде
Чту я за лилии груди.
Плачет веселая флейта,
Сам я не знаю, что будет.*

1925

«Несказанное, синее, нежное...»

*Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после
гроз,
И душа моя – поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз.*

*Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляну.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.*

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?
Все спокойно впивает грудь.
Стой, душа! Мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что случилось в
стране,
И простим, где нас горько обиде-
ли
По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было,
Только жаль на тридцатом году

Слишком мало я в юности требо-
вал,
Забываясь в кабацком чаду.

Но ведь дуб молодой, не разжелу-
дьясь,
Так же гнется, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная моло-

дочь,
Золотая сорвиголова!

1925

«Заря окликает другую...»

*Заря окликает другую,
Дымится овсяная гладь...
Я вспомнил тебя, дорогую,
Моя одряхлевшая мать.*

*Как прежде ходя на пригорок,
Костыль свой сжимая в руке,
Ты смотришь на лунный опорок,
Плывущий по сонной реке.*

*И думаешь горько, я знаю,
С тревогой и грустью большой,
Что сын твой по отчему краю
Совсем не болеет душой.*

*Потом ты идешь до погоста
И, в камень уставясь в упор,
Вздыхаешь так нежно и просто
За братьев моих и сестер.*

Пускай мы росли ножевые,

*А сестры росли, как май,
Ты все же глаза живые
Печально не подымай.*

*Довольно скорбеть! Довольно!
И время тебе подсмотреть,
Что яблоне тоже больно
Терять своих листьев медь.*

*Ведь радость бывает редко,
Как вешняя звень поутру,
И мне – чем сгнивать на ветках
—
Уж лучше сгореть на ветру.*

<1925>

«Синий май. Заревая теплынь...»

*Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой накидке.*

*В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие што-
ры
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры.*

*Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на досуге...
В этот вечер вся жизнь мне ми-
ла,
Как приятная память о друге.*

*Сад польщит, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дро-
жал
От щемящего слова «милый».*

*Только я в эту цветь, в эту гладь,
Под тальянку веселого мая,*

*Ничего не могу пожелать,
Все, как есть, без конца принимая.*

*Принимаю – приди и явись,
Все явись, в чем есть боль и отра-
да...*

*Мир тебе, отшумевшая жизнь,
Мир тебе, голубая прохлада.*

1925

«Не вернусь я в отчий дом...»

*Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник.
Об ушедшем над прудом
Пусть тоскует конопляник.*

*Пусть неровные луга
Обо мне поют крапивой, —
Брызжет полночью дуга,
Колокольчик говорливый.*

*Высоко стоит луна,
Даже шапки не докинуть.
Песне тайна не дана,
Где ей жить и где погинуть.*

Но на склоне наших лет
В отчий дом ведут дороги.
Повезут глухие дроги
Полутруп, полускелет.

Ведь недаром с давних пор
Поговорка есть в народе:
Даже пес в хозяйский двор
Издыхать всегда приходит.

Ворочусь я в отчий дом,
Жил и не жил бедный странник...

.....
В синий вечер над прудом
Прослезится конопляник.

1925

«Спит ковыль. Равнина дорогая...»

*Спит ковыль. Равнина дорогая
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не волеет мне в грудь мою теп-
лынь.*

*Знать, у всех у нас такая участь.
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.*

*Свет луны таинственный и длин-
ный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.*

*И теперь, когда вот новым све-
том
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.*

*По ночам, прижавшись к изголо-
вью,*

*Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет но-
вью
На мои поляны и луга.*

*Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!*

Июль 1925

«Вижу сон. Дорога черная...»

*Вижу сон. Дорога черная.
Белый конь. Стопа упорная.
И на этом на коне
Едет милая ко мне.
Едет, едет милая,
Только нелюбимая.*

*Эх, береза русская!
Путь-дорога узкая.
Эту милую, как сон,
Лишь для той, в кого влюблен,
Удержи ты ветками,
Как руками меткими.*

Светит месяц. Синь и сонь.
Хорошо копытит конь.
Свет такой таинственный,
Словно для Единственной —
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.

Хулиган я, хулиган.
От стихов дурак и пьян.
Но и все ж за эту пруть,
Чтобы сердцем не остыть,
За березовую Русь
С нелюбимой помирюсь.

2 июля 1925

«Каждый труд благослови, удача!..»

*Каждый труд благослови, удача!
Рыбаку – чтоб с рыбой невода,
Пахарю – чтоб плуг его и кляча
Доставали хлеба на года.*

*Воду пьют из кружек и стаканов,
Из кувшинок также можно пить,
Там, где омут розовых туманов
Не устанет берег золотить.*

*Хорошо лежать в траве зеленой
И, впиваясь в прозрачную гладь,
Чей-то взгляд, ревнивый и влюб-
ленный,
На себе, уставшем, вспоминать.*

*Коростели свищут... коростели.
Потому так и светлы всегда
Те, что в жизни сердцем опросте-
ли
Под веселой ношею труда.*

*Только я забыл, что я крестья-
нин,
И теперь рассказываю сам,*

Соглядатай праздный, я ль не
странен
Дорогим мне пашням и лесам.

Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над боло-
том,
В душу плачут чибис и кулик.

12 июля 1925

«Видно, так заведено навеки...»

Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебежась,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет трид-
цать,
И земля милей мне с каждым
днем.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнем.

Коль гореть, так уж гореть сго-
рая,

*И недаром в липовую цветъ
Вынул я кольцо у попугая —
Знак того, что вместе нам сго-
реть.*

*То кольцо надела мне цыганка.
Сняв с руки, я дал его тебе,
И теперь, когда грустит шарман-
ка,
Не могу не думать, не робеть.*

*В голове болотный бродит омут,
И на сердце изморозь и мгла:
Может быть, кому-нибудь друго-
му
Ты его со смехом отдала?*

*Может быть, целуясь до рассве-
та,
Он тебя спрашивает сам,
Как смешного глупого поэта
Привела ты к чувственным сти-
хам.*

*Ну и что ж! Пройдет и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай.*

14 июля 1925

«Я иду долиной. На затылке кепи...»

*Я иду долиной. На затылке кепи,
В лайковой перчатке смуглая рука.*

*Далеко сияют розовые степи,
Широко синее тихая река.*

*Я – беспечный парень. Ничего не
надо.*

*Только б слушать песни – сердцем
подпевать,*

Только бы струилась легкая прохлада,

*Только б не сгибалась молодая
стать.*

Выйду за дорогу, выйду под откосы —

*Сколько там нарядных мужиков
и баб!*

*Что-то шепчут грабли, что-то
свищут косы...*

*«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль
не слаб?»*

На земле милее. Полно плавать в небо.

Как ты любишь долы, так бы труд любил.

Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был?

Размахнись косою, покажи свой пыл».

Ах, перо – не грабли, ах, коса – не ручка —

Но косою выводят строчки хоть куда.

Под весенним солнцем, под весенней тучкой

Их читают люди всякие года.

К черту я снимаю свой костюм английский.

Что же, дайте косу, я вам покажу —

Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий,

Памятью деревни я ль не дорожусь?

Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки.

Хорошо косою в утренний туман

Выводить по долам травяные
строчки,
Чтобы их читали лошадь и баран.

В этих строчках – песня, в этих
строчках —
слово.

Потому и рад я в думах ни о ком,
Что читать их может каждая
корова,
Отдавая плату теплым моло-
ком.

18 июля 1925

«Гори, звезда моя, не падай...»

Гори, звезда моя, не падай.
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.

Ты светишь августом и рожью
И наполняешь тишь полей
Такой рыдалистою дрожью
Неотлеченных журавлей.

И, голову вздымая выше,

Не то за рощей – за холмом
Я снова чью-то песню слышу
Про отчий край и отчий дом.

И золотеющая осень,
В березах убавляя сок,
За всех, кого любил и бросил,
Листвою плачет на песок.

Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.

Погаснет ласковое пламя,
И сердце превратится в прах.
Друзья поставят серый камень
С веселой надписью в стихах.

Но, погребальной грусти внемля,
Я для себя сложил бы так:
Любил он родину и землю,
Как любит пьяница кабак.

17 августа 1925

«Жизнь – обман с чарующей ТОСКОЮ...»

*Жизнь – обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.*

*Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потревожъ,
Жизнь – обман, но и она порою
Украшает радостями ложь».*

*Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе».*

*Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь –
стезя.
Пусть обманут легкие подруги,
Пусть изменяют легкие друзья.*

*Пусть меня ласкают нежным
словом,*

Пусть острее бритвы злой язык,

*—
Я живу давно на все готовым,
Ко всему безжалостно привык.*

*Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклись,
Кем я жил – забыли про меня.*

*Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и люби-
мой,
Эту жизнь за все благодарю.*

17 августа 1925

«Листья падают, листья падают...»

*Листья падают, листья падают.
Стонет ветер,
Протяжен и глух.
Кто же сердце порадует?
Кто его успокоит, мой друг?*

*С отягченными веками
Я смотрю и смотрю на луну.
Вот опять петухи кукарекнули
В обосененную тишину.*

*Предрассветное. Синее. Раннее.
И летающих звезд благодать.
Загадать бы какое желание,
Да не знаю, чего пожелать.*

*Что желать под житейскою но-
шею,
Проклиная удел свой и дом?
Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном.*

*Чтоб с глазами она васильковы-
ми
Только мне —*

*Не кому-нибудь —
И словами и чувствами новыми
Успокоила сердце и грудь.*

*Чтоб под эту белую лунностью,
Принимая счастливый удел,
Я над песней не таял, не млея
И с чужою веселою юностью
О своей никогда не жалел.*

Август 1925

«Над окошком месяц. Под окошком ветер...»

*Над окошком месяц. Под окош-
ком ветер.
Облетевший тополь серебрист и
светел.*

*Дальний плач тальянки, голос
одинокий —
И такой родимый, и такой дале-
кий.*

*Плачет и смеется песня лиховая.
Где ты, моя липа? Липа вековая?*

*Я и сам когда-то в праздник спо-
заранку
Выходил к любимой, развернув
тальянку.*

*А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и пла-
чу.*

Август 1925

**«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь,
тальянка, смело!...»**

*Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, та-
льянка, смело!*

*Вспомнить, что ли, юность, ту,
что пролетела?*

*Не шуми, осина, не пыли, дорога.
Пусть несется песня к милой до
порога.*

*Пусть она услышит, пусть она
поплачет,*

*Ей чужая юность ничего не зна-
чит.*

*Ну а если значит – проживет не
мучась.*

*Где ты, моя радость? Где ты, моя
участь?*

*Лейся, песня, пуще, лейся, песня,
звяньше.*

*Все равно не будет то, что было
раньше.*

*За былую силу, гордость и осанку
Только и осталась песня под та-
льянку.*

8 сентября 1925

«Я красивых таких не видел...»

Сестре Шуре

*Я красивых таких не видел,
Только, знаешь, в душе затаю
Не в плохой, а в хорошей обиде —
Повторяешь ты юность мою.*

*Ты мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя.
Как живет теперь наша корова,
Грусть соломенную теребя?*

Запоешь ты, а мне любимо,

Исцеляй меня детским сном.
Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном?

Что поет теперь мать за куде-
лью?
Я навеки покинул село,
Только знаю – багряной метелью
Нам листвы на крыльцо намело.

Знаю то, что о нас с тобой вме-
сте
Вместо ласки и вместо слез
У ворот, как о сгибшей невесте,
Тихо воеет покинутый пес.

Но и все ж возвращаться не надо,
Потому и достался не в срок,
Как любовь, как печаль и отрада,
Твой красивый рязанский платок.

13 сентября 1925

«В этом мире я только прохожий...»

Сестре Шуре

*В этом мире я только прохожий,
Ты махни мне веселой рукой.
У осеннего месяца тоже
Свет ласкающий, тихий такой.*

*В первый раз я от месяца греюсь,
В первый раз от прохлады согрет,
И опять и живу и надеюсь
На любовь, которой уж нет.*

*Это сделала наша равнинность,
Посоленная белью песка,
И измятая чья-то невинность,
И кому-то родная тоска.*

*Потому и навеки не скрою,
Что любить не отдельно, не
врозь —
Нам одною любовью с тобою
Эту родину привелось.*

13 сентября 1925

«Ты запой мне ту песню, что прежде...»

Сестре Шуре

*Ты запой мне ту песню, что
прежде
Напевала нам старая мать,
Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать.*

*Я ведь знаю, и мне знакомо,
Потому и волнуй и тревожсь,
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.*

*Ты мне пой, ну, а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты,
Лишь немного глаза прикрою,
Вижу вновь дорогие черты.*

*Ты мне пой, ведь моя отрада —
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин.*

Ты мне пой, ну, а я припомню

*И не буду забывчиво хмур:
Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур.*

*Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.*

Потому так и сердцу не жестко
—

*Мне за песнею и за вином
Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном.*

13 сентября 1925

«Эх вы, сани! А кони, кони!..»

*Эх вы, сани! А кони, кони!
Видно, черт их на землю принес.
В заливчатском степном разгоне
Колокольчик хохочет до слез.*

*Ни луны, ни собачьего лая
В далеке, в стороне, в пустыре.
Поддержись, моя жизнь удалая,
Я еще не навек постарел.*

*Пой, ямщик, вопрекор этой ночи,
Хочешь, сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою.*

*Эх, бывало, заломишь шапку,
Да заложешь в оглобли коня,
Да приляжешь на сена охапку, —
Вспоминай лишь, как звали меня.*

*И откуда бралась осанка,
А в полуночную тишину
Разговорчивая тальянка
Уговаривала не одну.*

*Все прошло. Поредел мой волос.
Конь издох, опустел наш двор.
Потеряла тальянка голос,
Разучившись вести разговор.*

*Но и все же душа не остыла,
Так приятны мне снег и мороз,
Потому что над всем, что было,
Колокольчик хохочет до слез.*

19 сентября 1925

«Снежная замять дробится и колется...»

*Снежная замять дробится и ко-
лется,
Сверху озябшая светит луна.
Снова я вижу родную околицу,
Через метель огонек у окна.*

*Все мы бездомники, много ли
нужно нам.
То, что далось мне, про то и пою.
Вот я опять за родительским
ужином,
Снова я вижу старушку мою.*

Смотрит, а очи слезятся, слезятся,
Тихо, безмолвно, как будто без
мук.

Хочет за чайную чашку взяться

—
Чайная чашка скользит из рук.

Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дру-
жись,
Слушай, под эту гармонику снеж-
ную
Я расскажу про свою тебе жизнь.

Много я видел, и много я стран-
ствовал,
Много любил я и много страдал,
И оттого хулиганил и пьянство-
вал,
Что лучше тебя никого не видал.

Вот и опять у лежанки я греюсь,
Сбросил ботинки, пиджак свой
раздел.
Снова я ожил и снова надеюсь
Так же, как в детстве, на лучший
удел.

*А за окном под метельные всхли-
пы,
В диком и шумном метельном
чаду,
Кажется мне – осыпаются липы,
Белые липы в нашем саду.*

20 сентября 1925

Песня

*Есть одна хорошая песня у соло-
вушки —
Песня панихидная по моей голо-
вушке.*

*Цвела – забубенная, росла – ноже-
вая,
А теперь вдруг свесилась, словно
неживая.*

*Думы мои, думы! Боль в висках и
темени.
Промотал я молодость без поры,
без времени.*

*Как случилось-стало, сам не по-
нимаю,*

*Ночью жесткую подушку к сердцу
прижимаю.*

*Лейся, песня звонкая, вылей трель
унылую,
В темноте мне кажется – обни-
маю милую.*

*За окном гармоника и сиянье ме-
сяца.
Только знаю – милая никогда не
встретится.*

*Эх, любовь-калинушка, кровь – за-
ря вишневая,
Как гитара старая и как песня
новая.*

*С теми же улыбками, радостью и
муками,
Что певалось дедами, то поется
внуками.*

*Пейте, пойте в юности, бейте в
жизнь
без промаха —
Все равно любимая отцветет че-
ремухой.*

Я отцвел, не знаю где. В пьянстве,
что ли?
В славе ли?
В молодости нравился, а теперь
оставили.

Потому хорошая песня у соловуш-
ки,
Песня панихидная по моей голо-
вушке.

Цвела – забубенная, была – ноже-
вая,
А теперь вдруг свесилась, словно
неживая.

1925

«Я помню, любимая, помню...»

*Я помню, любимая, помню,
Сиянье твоих волос...
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.*

*Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней...
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.*

*Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты забудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».*

*Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.*

*И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть
С другой вспоминает тебя.*

<1925>

Собаке Качалова

*Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.*

*Пожалуйста, голубчик, не ли-
жись.
Пойми со мной хоть самое про-
стое.
Ведь ты не знаешь, что такое
жизнь,
Не знаешь ты, что жить на све-
те стоит.*

*Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме
много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потро-
гать.*

*Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такою милою доверчивой при-
ятцей.*

*И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь цело-
ваться.*

*Мой милый Джим, среди твоих
гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и
грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?*

*Она придет, даю тебе поруку.
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был вино-
ват.*

1925

**«Слышишь – мчатся сани,
слышишь – сани мчатся...»**

*Слышишь – мчатся сани, слы-
шишь —
сани мчатся.
Хорошо с любимой в поле зате-
ряться.*

*Ветерок веселый робок и застен-
чив,
По равнине голой катится бубен-
чик.*

*Эх вы, сани, сани! Конь ты мой бу-
ланный!
Где-то на поляне клен танцует
пьяный.*

*Мы к нему подъедем, спросим –
что такое?
И станцуем вместе под тальянку
трое.*

3 октября 1925

«Голубая кофта. Синие глаза...»

*Голубая кофта. Синие глаза.
Никакой я правды милой не ска-
зал.*

*Милая спросила: «Крутит ли ме-
тель?
Затопить бы печку, постелить
постель».*

*Я ответил милой: «Нынче с высо-
ты
Кто-то осыпает белые цветы.*

*Затопи ты печку, постели по-
стель,
У меня на сердце без тебя ме-
тель».*

3 октября 1925

«Снежная замять крутит бойко...»

*Снежная замять крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.*

*Мчится на тройке чужая мла-
дость.
Где мое счастье? Где моя ра-
дость?*

*Все укатилось под вихрем бойким
Вот на такой же бешеной трой-
ке.*

4/5 октября 1925

«Плачет метель, как цыганская скрипка...»

Плачет метель, как цыганская скрипка.

*Милая девушка, злая улыбка,
Я ль не робею от синего взгляда?
Много мне нужно и много не надо.*

*Так мы далеки и так не схожи —
Ты молодая, а я все прожил.
Юношам счастье, а мне лишь память
Снежною ночью в лихую замять.*

*Я не заласкан – буря мне скрипка.
Сердце метелит твоя улыбка.*

4/5 октября 1925

«Вечером синим, вечером лунным...»

*Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным*

*Неудержимо, неповторимо
Все пролетело... далече... мимо...*

*Сердце остыло, выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!*

4/5 октября 1925

«Не криви улыбку, руки беребя...»

*Не криви улыбку, руки беребя, —
Я люблю другую, только не тебя.*

*Ты сама ведь знаешь, знаешь хоро-
шо —
Не тебя я вижу, не к тебе пришел.*

*Проходил я мимо, сердцу все рав-
но —
Просто захотелось заглянуть в
окно.*

4/5 октября 1925

«Снежная равнина, белая луна...»

*Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по ле-
сам.*

*Кто погиб здесь? Умер? Уж не я
ли сам?*

4/5 октября 1925

«Цветы мне говорят – прощай...»

*Цветы мне говорят – прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.*

*Любимая, ну что ж! Ну что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.*

*И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой ми-
мо, —
Я говорю на каждый миг,*

Что все на свете повторимо.

*Не все ль равно – придет другой,
Печаль ушедшего не сгложет,
Оставленной и дорогой
Пришедший лучше песню сложит.*

*И, песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне
Как о цветке неповторимом.*

27 октября 1925

«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»

*Кто я? Что я? Только лишь меч-
татель,
Перстень счастья ищущий во
мгле,
Эту жизнь живу я словно кста-
ти,
Заодно с другими на земле.*

*И с тобой целуюсь по привычке,
Потому что многих целовал,
И, как будто зажигая спички,*

Говорю любовные слова.

*«Дорогая», «милая», «навек»,
А в уме всегда одно и то же,
Если тронуть страсти в челове-
ке,
То, конечно, правды не найдешь.*

*Оттого душе моей не жестко
Ни желать, ни требовать огня,
Ты, моя ходячая березка,
Создана для многих и меня.*

*Но, всегда ища себе родную
И томясь в неласковом плену,
Я тебя нисколько не ревную,
Я тебя нисколько не кляню.*

*Кто я? Что я? Только лишь меч-
татель,
Синь очей утративший во мгле,
И тебя любил я только кстати,
Заодно с другими на земле.*

<1925>

«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»

*Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?*

*Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.*

*И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.*

*Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.*

*Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.*

*Сам себе казался я таким же кле-
ном,
Только не опавшим, а всюю зеле-
ным.*

*И, утратив скромность, одурев-
ши в доску,
Как жену чужую, обнимал берез-
ку.*

28 ноября 1925

«Какая ночь! Я не могу...»

*Какая ночь! Я не могу...
Не спится мне. Такая лунность!
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.*

*Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью.
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.*

*Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело, —
Ведь разлюбить не сможешь ты,
Как полюбить ты не сумела.*

Любить лишь можно только раз.
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, си-
ний
На этих липах не цветы —
На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,
Ты – не меня, а я – другую,
И нам обоим все равно
Играть в любовь недорогую.

Но все ж ласкай и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

30 ноября 1925

«Не гляди на меня с упреком...»

*Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.*

*Да, ты кажешься мне распро-
стертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мерт-
вой,
Ловит воронов и воронят.*

*Ну и что же, лови, я не струшу,
Только как бы твой пыл не погас,
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.*

*Не тебя я люблю, дорогая,
Ты – лишь отзвук, лишь только
тень.
Мне в лице твоём снится другая,
У которой глаза – голубень.*

*Пусть она и не выглядит кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,*

*Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.*

*Вот такую едва ль отуманишь,
И не хочешь пойти, да пойдешь,
Ну, а ты даже в сердце не вранишь
Напоенную ласкою ложь.*

*Но и все же, тебя презирая,
Я смущенно откроюсь навек:
Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек.*

1 декабря 1925

«Ты меня не любишь, не жалеешь...»

*Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти
млеешь,
Мне на плечи руки опустив.*

*Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?*

Сколько рук ты помнишь? Сколько
губ?

Знаю я – они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полузакрыты очи,
И ты думаешь о ком-нибудь дру-
гом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспылчивая связь, —
Как случайно встретился с то-
бою,
Улыбнусь, спокойно разойдясь.

Да и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.

И когда с другим по переулку
Ты пройдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогул-

ку,
И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: «Добрый
вечер...»
Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь, —
Кто любил, уж тот любить не
может,
Кто сгорел, того не подожжешь.
4 декабря 1925

«**Может, поздно, может, слишком рано...**»

*Может, поздно, может, слишком рано,
И о чем не думал много лет,
Походить я стал на Дон-Жуана,
Как заправский ветреный поэт.*

*Что случилось? Что со мною
сталось?
Каждый день я у других колен.
Каждый день к себе теряю жа-
лость,
Не смиряясь с горечью измен.*

*Я всегда хотел, чтоб сердце мень-
ше
Билось в чувствах нежных и про-
стых,
Что ж ищу в очах я этих женщин
—
Легкодумных, лживых и пустых?*

*Удержи меня, мое презренье,
Я всегда отмечен был тобой.
На душе холодное кипенье*

И сирени шелест голубой.

*На душе – лимонный свет заката,
И все то же слышно сквозь туман, —
За свободу в чувствах есть расплата,
Принимай же вызов, Дон-Жуан!*

*И, спокойно вызов принимая,
Вижу я, что мне одно и то ж —
Чтить метель за синий цветень
мая,
Звать любовью чувственную
дрожь.*

*Так случилось, так со мною стало,
И с того у многих я колен,
Чтобы вечно счастье улыбалось,
Не смиряясь с горечью измен.*

13 декабря 1925

**«До свиданья, друг мой, до
свиданья...»**

До свиданья, друг мой, до свиданья.

*Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.*

*До свиданья, друг мой, без руки,
без слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.*

1925

Поэт

*Он бледен. Мыслит страшный
путь.*

*В его душе живут виденья.
Ударом жизни вбита грудь,
А щеки выпили сомненья.*

*Клоками сбиты волоса,
Чело высокое в морщинах,
Но ясных грез его краса
Горит в продуманных картинах.*

*Сидит он в тесном чердаке,
Огарок свечки режет взоры,
А карандаш в его руке
Ведет с ним тайно разговоры.*

*Он пишет песню грустных дум,
Он ловит сердцем тень былого.
И этот шум, душевный шум...
Снесет он завтра за целковыйй.*

<1910–1912>

Звезды

*Звездочки ясные, звезды высокие!
Что вы храните в себе, что скрываете?*

*Звезды, таящие мысли глубокие,
Силой какою вы душу пленяете?*

Частые звездочки, звездочки тесные!

Что в вас прекрасного, что в вас могучего?

*Чем увлекаете, звезды небесные,
Силу великую знания жгучего?*

*И почему так, когда вы сияете,
Маните в небо, в объятия широкие?*

Смотрите нежно так, сердце ласкаете,

Звезды небесные, звезды далекие!

<1911–1912>

Зима

*Вот уж осень улетела,
И примчалася зима.
Как на крыльях, прилетела
Невидимо вдруг она.*

*Вот морозы затрещали
И сковали все пруды.
И мальчишки закричали
Ей «спасибо» за труды.*

*Вот появились узоры
На стеклах дивной красоты.
Все устремили свои взоры,
Глядя на это. С высоты*

*Снег падает, мелькает, вьется,
Ложится белой пеленой.
Вот солнце в облаках мигает,
И иней на снегу сверкает.*

<1911–1912>

Думы

*Думы печальные, думы глубокие,
Горькие думы, думы тяжелые,
Думы от счастья вечно далекие,
Спутники жизни моей невеселые!*

*Думы – родители звуков мучения,
Думы несчастные, думы холод-
ные,
Думы – источники слез огорчения,
Вольные думы, думы свободные!*

*Что вы терзаете грудь истом-
ленную,
Что заграждаете путь вы мне
мой?
Что возбуждаете силу сломлен-
ную
Вновь на борьбу с непроглядною
тьмой?*

*Не поддержать вам костра дого-
ревшего,
Искры потухшие... Поздно, бес-
плодные,
Не исцелить сердца вам наболев-*

шего,
Думы больные, без жизни, холод-
ные!

<1912>

Звуки печали

*Скучные песни, грустные звуки,
Дайте свободно вздохнуть.
Вы мне приносите тяжкие муки,
Больно терзаете грудь.*

*Дайте отрады, дайте покоя,
Дайте мне крепко заснуть.
Думы за думами смутного роя,
Вы мне разбили мой путь.*

*Смолкните, звуки – вестники го-
ря,
Слезы уж льются из глаз.
Пусть успокоится горькая доля,
Звуки! Мне грустно от вас!*

*Звуки печали, скорбные звуки,
Долго ль меня вам томить?
Скоро ли кончатся тяжкие муки,
Скоро ль спокойно мне жить?*

<1912>

Слезы

*Слезы... опять эти горькие слезы,
Безотрадная грусть и печаль;
Снова мрак... и разбитые грезы
Унеслись в бесконечную даль.*

*Что же дальше... Опять эти му-
ки?
Нет, довольно... Пора отдохнуть
И забыть эти грустные звуки,
Уж и так истомилася грудь.*

*Кто поет там под сенью березы?
Звуки будто знакомые мне —
Это слезы опять... Это слезы
И тоска по родной стороне.*

*Но ведь я же на родине милой,
А в слезах истомил свою грудь.
Эх... лишь, видно, в холодной моги-
ле
Я забыться могу и заснуть.*

<1912>

Отойди от окна

*Не ходи ты ко мне под окно
И зеленой травы не топчи,
Я тебя разлюбила давно,
Но не плачь, а спокойно молчи.*

*Я жалею тебя всей душою,
Что тебе до моей красоты?
Почему не даешь мне покою
И зачем так терзаешься ты?*

*Все равно я не буду твоею,
Я теперь не люблю никого,
Не люблю, но тебя я жалею,
Отойди от окна моего!*

*Позабудь, что была я твоею,
Что безумно любила тебя,
Я теперь не люблю, а жалею —
Отойди и не мучай себя.*

<1912>

Капли

*Капли жемчужные, капли пре-
красные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненаст-
ные,
Осенью черной на окнах сырых.*

*Люди, веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других
И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых.*

*Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы чувства тяже-
лого.
Тихо скользите по стеклам и бро-
дите,
Точно как ищете что-то весело-
го.*

*Люди несчастные, жизнью уби-
тые,
С болью в душе вы свой век дожи-
ваете.
Милое прошлое, вам не забытое,*

Часто назад вы его призываете.

<1912>

«Ты плакала в вечерней тишине...»

*Ты плакала в вечерней тишине,
И слезы горькие на землю упада-
ли,
И было тяжело и так печально
мне,
И все же мы друг друга не поняли.
Умчалась ты в далекие края,
И все мечты увянули без цвета,
И вновь опять один остался я
Страдать душой без ласки и при-
вета.
И часто я вечернею порой
Хожу к местам заветного свиданья,
И вижу я в мечтах мне милый об-
раз твой,
И слышу в тишине тоскливые ры-
данья.*

<1912–1913>

«Грустно... Душевные муки...»

*Грустно... Душевные муки
Сердце терзают и рвут.
Времени скучные звуки
Мне и вздохнуть не дают.
Ляжешь, а горькая дума
Так и не сходит с ума,
Голову кружит от шума...
Как же мне быть? И сама
Моя изнывает душа.
Нет утешенья ни в ком.
Ходишь едва-то дыша.
Мрачно и дико кругом.
Доля, зачем ты дана?
Голову негде склонить.
Жизнь и горька и бедна.
Тяжко без счастья жить.*

<1913>

Молитва матери

*На краю деревни старая избушка,
Там перед иконой молится ста-
рушка.*

*Молитва старушки сына помина-
ет,
Сын в краю далеком родину спаса-
ет.*

*Молится старушка, утирает сле-
зы,
А в глазах усталых расцветают
грезы.*

*Видит она поле, поле перед боем,
Где лежит убитым сын ее героем.*

*На груди широкой брызжет кровь,
что пламя,
А в руках застывших вражеское
знамя.*

*И от счастья с горем вся она за-
стыла,
Голову седую на руки склонила.*

*И закрыли брови редкие сединки,
А из глаз, как бисер, сыплются
слезинки.*

<1914>

Богатырский посвист

*Грянул гром. Чашка неба расколо-
та.*

Разорвались тучи тесные.

На подвесках из легкого золота

Закачались лампадки небесные.

Отворили ангелы окно высокое,

*Видят – умирает тучка безгла-
вая,*

А с запада, как лента широкая,

Подымается заря кровавая.

Догадались слуги божии,

Что недаром земля просыпается,

Видно, мол, немцы негожие

Войной на мужика поднимаются.

Сказали ангелы солнышку:

«Разбуди поди мужика, красное,

Потрепи его за головушку,

Дескать, беда для тебя опасная».

*Встал мужик, из ковша умывает-
ся,*

Ласково беседует с домашней
птицею,

Умывшись, в лапти наряжается
И достает сошники с палицею.
Думает мужик дорогой в кузницу:
«Проучу я харю поганую».

И на ходу со злобы тужится,
Скидает с плеч сермягу рваную.
Сделал кузнец мужику пику
вострую,
И уселся мужик на клячу брыку-
чую.

Едет он дорогой пестрою,
Насвистывает песню могучую.
Выбирает мужик дорожку при-
метнее,
Едет, свистит, ухмыляется,
Видят немцы – задрожали дубы
столетние,
На дубах от свиста листья ва-
ляются.

Побросали немцы шапки медные,
Испугались посвисту богатырско-
го...

Правит Русь праздники победные,
Гудит земля от звона монастыр-
ского.

Сиротка

(Русская сказка)

*Маша – круглая сиротка.
Плохо, плохо Маше жить,
Злая мачеха сердито
Без вины ее бранит.*

*Неродимая сестрица
Маше место не дает,
Плачет Маша втихомолку
И украдкой слезы льет.*

*Не перечит Маша брани,
Не теряет дерзких слов,
А коварная сестрица
Отбивает женихов.*

*Злая мачеха у Маши
Отняла ее наряд,
Ходит Маша без наряда,
И ребята не глядят.*

*Ходит Маша в сарафане,
Сарафан весь из заплат,
А на мачехиной дочке*

Бусы с серьгами гремят.

*Сшила Маша на подачки
Сарафан себе другой
И на голову надела
Полушалок голубой.*

*Хочет Маша понарядней
В церковь божию ходить
И у мачехи сердитой
Просит бусы ей купить.*

*Злая мачеха на Машу
Засучила рукава,
На устах у бедной Маши
Так и замерли слова.*

*Вышла Маша, зарыдала,
Только некуда идти,
Побежала б на кладбище,
Да могилки не найти.*

*Замела седая вьюга
Поле снежным полотном,
По дороженьке ухабы,
И сугробы под окном.*

Вышла Маша на крылечко,

Стало больно ей невмочь.
А кругом лишь воет ветер,
А кругом лишь только ночь.

Плачет Маша у крылечка,
Притаившись за углом,
И заплаканные глазки
Утирает рукавом.

Плачет Маша, крепнет стужа,
Злится дедушка-мороз,
А из глаз ее, как жемчуг,
Вытекают капли слез.

Вышел месяц из-за тучек,
Ярким светом заиграл.
Видит Маша – на приступке
Кто-то бисер разметал.

От нечаянного счастья
Маша глазки подняла
И застывшими руками
Крупный жемчуг собрала.

Только Маша за колечко
Отворяет дверь рукой, —
А с высокого сугроба
К ней бежит старик седой:

«Эй, красавица, постой-ка,
Замела совсем пурга!
Где-то здесь вот на крылечке
Позабыл я жемчуга».

Маша с тайною тревогой
Робко глазки подняла
И сказала, запинаясь:
«Я их в фартук собрала».

И из фартука стыдливо,
Заслонив рукой лицо,
Маша высыпала жемчуг
На обмерзшее крыльцо.

«Стой, дитя, не сыпь, не надо, —
Говорит старик седой, —
Это бисер ведь на бусы,
Это жемчуг, Маша, твой».

Маша с радости смеется,
Закраснелась, стоит,
А старик, склонясь над нею,
Так ей нежно говорит:

«О дитя, я видел, видел,
Сколько слез ты пролила
И как мачеха лихая

Из избы тебя гнала.

*А в избе твоя сестрица
Любовалася собой
И, расчесывая косы,
Хохотала над тобой.*

*Ты рыдала у крылечка,
А кругом мела пурга,
Я в награду твои слезы
Заморозил в жемчуга.*

*За тебя, моя родная,
Стало больно мне невмочь
И озлобленным дыханьем
Застудил я мать и дочь.*

*Вот и вся моя награда
За твои потоки слез...
Я ведь, Маша, очень добрый,
Я ведь дедушка-мороз».*

*И исчез мороз трескучий...
Маша жемчуг собрала
И, прислушиваясь к вьюге,
Постояла и ушла.*

Утром Маша рано-рано

*Шла могилушку копать,
В это время царедворцы
Шли красавицу искать.*

*Приказал король им строго
Обойти свою страну
И красавицу собою
Отыскать ему жену.*

*Увидали они Машу,
Стали Маше говорить,
Только Маша порешила
Прежде мертвых схоронить.*

*Тихо справили поминки,
На душе утихла боль,
И на Маше, на сиротке,
Повенчался сам король.*

<1914>

Что это такое?

*В этот лес замороженный,
По пушинкам серебра,
Я с винтовкой заряженной
На охоту шел вчера.
По дорожке чистой, гладкой
Я прошел, не наследил...
Кто ж катался здесь украдкой?
Кто здесь падал и ходил?
Подойду, взгляну поближе:
Хрупкий снег изломан весь.
Здесь вот когти, дальше – лыжи...
Кто-то странный бегал здесь.
Кабы твердо знал я тайну
Заколдованным речам,
Я узнал бы хоть случайно,
Кто здесь бродит по ночам.
Из-за елки бы высокой
Подсмотрел я на кругу:
Кто глубокий след далекий
Оставляет на снегу?..*

<1914>

Узоры

Девушка в светлице вышивает
ткани,
На канве в узорах копья и кресты.
Девушка рисует мертвых на поляне,
На груди у мертвых – красные цветы.

Нежный шелк выводит храброго
героя,
Тот герой отважный – принц ее души.
Он лежит, сраженный в жаркой схватке боя,
И в узорах крови смяты камыши.

Кончены рисунки. Лампа догорает.
Девушка склонилась. Помутился взор.
Девушка тоскует. Девушка рыдает.
За окошком полночь чертит свой узор.

*Траурные косы тучи разметали,
В пряди тонких локонов впуталась
луна.*

*В трепетном мерцанье, в белом
покрывале*

*Девушка, как призрак, плачет у
окна.*

<1914>

«Ты ушла и ко мне не вернешься...»

*Ты ушла и ко мне не вернешься,
Позабыла ты мой уголок,
И теперь ты другому смеешься,
Укрываясь в белый платок.*

*Мне тоскливо, и скучно, и жалко,
Неуютно камин мой горит,
Но измятая в книжке фиалка
Все о счастье былом говорит.*

<1914–1915>

Сонет

*Я плакал на заре, когда померкли
дали,
Когда стелила ночь росистую по-
стель,
И с шепотом волны рыданья за-
мирали,
И где-то вдалеке им вторила сви-
рель.*

*Сказала мне волна: «Напрасно мы
тоскуем», —
И, сбросив свой покров, зарылась в
берега,
А бледный серп луны холодным
поцелуем
С улыбкой застудил мне слезы в
жемчуга.*

*И я принес тебе, царевне ясно-
окой,
Кораллы слез моих печали одино-
кой
И нежную вуаль из пенности вол-
ны.*

*Но сердце хмельное любви моей
не радо...*

*Отдай же мне за все, чего тебе не
надо,*

*Отдай мне поцелуй за поцелуй лу-
ны.*

<1915>

Чары

В цветах любви весна-царевна

По роце косы расплела,

И с хором птичьего молебна

Поют ей гимн колокола.

Пьяна под чарами веселья,

Она, как дым, скользит в лесах,

И золотое ожерелье

Блестит в косматых волосах.

А вслед ей пьяная русалка

Росою плещет на луну.

И я, как страстная фиалка,

Хочу любить, любить весну.

<1915>

Черемуха

Черемуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.
Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень пряная
Сияет в серебре.
А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.
Черемуха душистая,
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.
Ручей волной гремячей
Все ветки обдает
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поет.

<1915>

**«О дитя, я долго плакал над судьбой
твоей...»**

*О дитя, я долго плакал над судь-
бой твоей,
С каждой ночью я тоскую все
сильней, сильней...*

*Знаю, знаю, скоро, скоро, на зака-
те дня,
Понесут с могильным пенъем хо-
ронить меня...*

*Ты увидишь из окошка белый са-
ван мой,
И сожмется твое сердце от тос-
ки немой...*

*О дитя, я долго плакал с тайной
теплых слов,
И застыли мои слезы в бисер
жемчугов...*

*И связал я ожерелье для тебя из
них,
Ты надень его на шею в память
дней моих!*

<1915>

Побирушка

*Плачет девочка-малютка у окна
больших хором,
А в хоромах смех веселый так и
льется серебром.
Плачет девочка и стынет на вет-
ру осенних гроз,
И ручонкою иззябшей вытирает
капли слез.*

*Со слезами она просит хлеба
черствого кусок,
От обиды и волненья замирает
голосок.
Но в хоромах этот голос заглу-
шает шум утех,
И стоит малютка, плачет под
веселый,
резвый смех.*

<1915>

Польша

*Над Польшей облако кровавое по-
висло,
И капли красные сжигают города.
Но светит в зареве былых веков
звезда.
Под розовой волной, вздымаясь,
плачет Висла.*

*В кольце времен с одним оттен-
ком смысла
К весам войны подходят все года.
И победителю за стяг его труда
Сам враг кладет цветы на чашки
коромысла.*

*О Польша, светлый сон в сырой
тюрьме
Костюшки,
Невольница в осколках ореола.
Я вижу: твой Мицкевич заряжает
пушки.*

*Ты мощною рукой сеть плена рас-
порола.
Пускай горят родных краев опуш-*

ки,
Но слышен звон побед к молеб-
ствию костела.

<1915>

Греция

Могучий Ахиллес громил тверды-
ни Трои,
Блистательный Патрокл сра-
женный умирал,
А Гектор меч о траву вытирал
И сыпал на врага цветущие лев-
кои.

Над прахом горестно слетались с
плачем сои,
И лунный серп сеть туник проры-
вал.
Усталый Ахиллес на землю при-
падал,
Он нес убитого в родимые покои.

Ах, Греция! мечта души моей!
Ты сказка нежная, но я к тебе
нежней,
Нежней, чем к Гектору, герою, Ан-

дромаха.

*Возьми свой меч. Будь Сербии
сестрою,
Напомни миру сгинувшую Троию.
И для вандалов пусть чернеют
меч и плаха.*

<1915>

Девичник

*Я надена красное монисто,
Сарафан запетлю синей рюшкой.
Позовите, девки, гармониста,
Попрощайтесь с ласковой по-
дружкой.*

*Мой жених, угрюмый и ревнивый,
Не велит заглядывать на парней.
Буду петь я птахой сиротливой,
Вы ж пляшите дробней и угарней.*

*Как печальны девичьи потери,
Грустно жить оплаканной невесте.
Уведет жених меня за двери,
Будет спрашивать о девической*

чести.

*Ах, подружки, стыдно и неловко:
Сердце робкое охватывает сту-
жа.*

*Тяжело беседовать с золовкой,
Лучше жить несчастной, да без
мужа.*

<1915>

«На лазоревые ткани...»

*На лазоревые ткани
Пролил пальцы багрянец,
В темной роще, по поляне,
Плачет смехом бубенец.*

*Затуманились лощины,
Серебром покрылся мох.
Через прясла и овины
Кажет месяц белый рог.*

*По дороге лихо, бойко,
Развевая пенный пот,
Скачет бешеная тройка
На поселок в хоровод.*

*Смотрят девушки лукаво
На красавца сквозь плетень.
Парень бравый, кучерявый
Ломит шапку набекрень.*

*Ярче розовой рубахи
Зори вешние горят.
Позолоченные бляхи
С бубенцами говорят.*

<1915>

«Я странник убогий...»

*Я странник убогий.
С вечерней звездой
Пою я о Боге
Касаткой степной.*

*На шелковом блюде
Опада осин,
Послушайте, люди,
Ухлюпы трясин.*

*Ширком в луговины,
Целуя сосну.
Поют быстровины
Про рай и весну.*

*Я, странник убогий,
Молюсь в синеву.
На палой дороге
Ложуся в траву.*

*Покоюся сладко
Меж росновых бус.
На сердце лампадка,
А в сердце Иус.*

<1915>

Бабушкины сказки

*В зимний вечер по задворкам
Разухабистой гурьбой
По сугробам, по пригоркам
Мы идем, бредем домой.
Опостылеют салазки,
И садимся в два рядка
Слушать бабушкины сказки
Про Ивана-дурака.
И сидим мы, еле дышим.
Время к полночи идет.
Притворимся, что не слышим,
Если мама спать зовет.
Сказки все. Пора в постели...
Но а как теперь уж спать?*

*И опять мы загалдели,
Начинаем приставать.*

*Скажет бабушка несмело:
«Что ж, сидеть-то до зари?»
Ну, а нам какое дело, —
Говори да говори.*

<1915>

Русалка под новый год

*Ты не любишь меня, милый голубь,
Не со мной ты воркуешь, с другою,
Ах, пойду я к реке под горою,
Кинусь с берега в черную прорубь.*

*Не отыщет никто мои кости,
Я русалкой вернуся весной.
Приведешь ты коня к водопою,
И коня напою я из горсти.*

*Запою я тебе втихомолку,
Как живу я царевной, тоскую,
Заману я тебя, заколдую,
Уведу коня в струи за холку!*

Ой, как терем стоит под водою

*—
Там играют русалочки в жмурки,*

*—
Изо льда он, а окна-конурки
В сизых рамах горят под слюдою.*

*На постель я травы натаскаю,
Положу я тебя с собой рядом.
Буду тешить тебя своим взгля-
дом,
Зацелую тебя, заласкаю!*

<1915>

Нищий с паперти

*Глаза – как выцветший лопух,
В руках зажатые монеты.
Когда-то славный был пастух,
Теперь поет про многи лета.
А вон старушка из угла,
Что слезы льет перед иконой,
Она любовь его была
И пьяный сон в меже зеленой.
На свитках лет сухая пыль.
Былого нет в заре куканьшей.
И лишь обгрызанный костыль*

*В его руках звенит, как раньше.
Она чужда ему теперь,
Забыла звонную жалейку.
И как пойдет, спеша, за дверь,
Подаст в ладонь ему копейку.
Он не посмотрит ей в глаза,
При встрече глаз большее станет,
Но, покрестясь на образа,
Рабу по имени помянет.*

<1916>

«Еще не высох дождь вчерашний...»

*Еще не высох дождь вчерашний —
В траве зеленая вода!
Тоскуют брошенные пашни,
И вянет, вянет лебеда.*

*Брожу по улицам и лужам,
Осенний день пуглив и дик.
И в каждом встретившемся му-
же
Хочу постичь твой милый лик.*

*Ты все загадочней и краше
Глядишь в неясные края.
О, для тебя лишь счастье наше*

И дружба верная моя.

*И если смерть по божьей воле
Смежит глаза твои рукой,
Клянусь, что тенью в чистом по-
ле
Пойду за смертью и тобой.*

<1916>

«В зеленой церкви за горой...»

*В зеленой церкви за горой,
Где вербы четки уронили,
Я поминаю просфорой
Младой весны молодые были.*

*А ты, склонившаяся ниц,
Передо мной стоишь незримо,
Шелка опущенных ресниц
Колышут крылья херувима.*

*Не омрачен твой белый рок
Твоей застывшено порою,
Все тот же розовый платок
Застегнут смуглою рукою.*

Все тот же вздох упруго жмет

*Твои надломленные плечи
О том, кто за морем живет
И кто от родины далече.*

*И все тягуче память дня
Перед пристойным ликом жизни.
О, помолись и за меня,
За бесприютного в отчизне!*

<1916>

Исус-младенец

*Собрала пречистая
Журавлей с синицами
В храме.*

*«Пойте, веселитесь
И за всех молитесь
С нами!»*

*Молятся с поклонами,
За судьбу греховную,
За нашу;*

*А маленький боженька,
Подобравши ноженьки,
Ест кашу.*

Подошла синица,
Бедовая птица,
Попросила:

«Я тебе, боженька,
Притомив ноженьки,
Молилась».

Журавль и скажи враз:
«Тебе и кормить нас,
Коль создал».

А боженька наш
Поделил им кашу
И отдал.

В золоченой хате
Смотрит божья мати
В небо.

А сыночек маленький
Просит на завалинке
Хлеба.

Позвала пречистая
Журавлей с синицами,
Сказала:

«Приносите, птицы,
Хлеба и пшеницы
Немало».

Замешкались птицы,
Журавли, синицы,
Дождь прочат.

А боженька в хате
Все теревит матери,
Есть хочет.

Вышла богородица
В поле, за околицу,
Кличет.

Только ветер по полю,
Словно кони, топает,
Свищет.

Боженька, маленький,
Плакал на завалинке
От горя.

Плакал, обливаясь...
Прилетел тут аист
Белоперый.

Взял он остороженько
Красным клювом боженьку,
Умчался.

И господь на елочке,
В аистовом гнездышке,
Качался.

Ворочалась к хате
Пречистая мати,
Сына нету.

Собрала котомку
И пошла сторонкой
По свету.

Шла, несла немало,
Наконец сыскала
В лесочке:

На спине катается
У белого аиста
Сыночек.

Позвала пречистая
Журавлей с синицами,
Сказала:

*«На вечное время
Собирайте семя
Немало.*

*А белому аисту,
Что с богом катается
Меж веток,*

*Носить на завалинки
Синеглазых маленьких
Деток».*

<1916>

Мечта

(И з книги «Стихи о любви»)

1

*В темной роще на зеленых елях
Золотятся листья вялых ив.
Выхожу я на высокий берег,
Где покойно плещется залив.
Две луны, рога свои качая,
Замутили желтым дымом зыбь.
Гладь озер с травой не различая,
Тихо плачет на болоте выпь.
В этом голосе обкошенного луга
Слышу я знакомый сердцу зов.*

Ты зовешь меня, моя подруга,
Погрустить у сонных берегов.
Много лет я не был здесь и много
Встреч веселых видел и разлук,
Но всегда хранил в себе я строго
Нежный сгиб твоих туманных
рук.

2

Тихий отрок, чувствующий крот-
ко,
Голубей целующий в уста, —
Тонкий стан с медлительной по-
ходкой
Я любил в тебе, моя мечта.
Я бродил по городам и селам,
И искал тебя, где ты живешь,
И со смехом, резвым и веселым,
Часто ты меня манила в рожь.
За оградой монастырской кроюсь,
Я вошел однажды в белый храм:
Синею водою солнце моясь,
Свой орарь мне кинуло к ногам.
Я стоял, как инок, в блеске алом,
Вдруг сдавила горло тишина...
Ты вошла под черным покрыва-
лом
И, поникнув, стала у окна.

3

*С паперти под колокол гудящий
Ты сходила в благовенье свеч.
И не мог я, ласково дрожащий,
Не коснуться рук твоих и плеч.
Я хотел сказать тебе так много,*

*Что томило душу с ранних пор,
Но дымилась тихая дорога
В незакатном полyme озер.
Ты взглянула тихо на долины,
Где в траве ползла кудряво мгла...
И упали редкие седины
С твоего увядшего чела...
Чуть бледнели складки от одеж-
ды,
И, казалось, в русле темных вод,
—
Уходя, жевал мои надежды
Твой беззубый, шамкающий рот.*

4

*Но недолго душу холод мучил.
Как крыло, прильнув к ее ногам,
Новый короб чувства я навьючил
И пошел по новым берегам.
Безо шва стянулась в сердце рана,
Страсть погасла, и любовь про-*

шла.

*Но опять пришла ты из тумана
И была красива и светла.*

*Ты шепнула, заслонясь рукою:
«Посмотри же, как я молода.
Это жизнь тебя пугала мною,
Я же вся как воздух и вода».*

*В голосах обкошенного луга
Слышу я знакомый сердцу зов.
Ты зовешь меня, моя подруга,
Погрустить у сонных берегов.*

<1916>

«Грубым дается радость...»

*Грубым дается радость.
Нежным дается печаль.
Мне ничего не надо,
Мне никого не жаль.*

*Жаль мне себя немного,
Жалко бездомных собак.
Эта прямая дорога
Меня привела в кабак.*

Что ж вы ругаетесь, дьяволы?

Иль я не сын страны?
Каждый из нас закладывал
За рюмку свои штаны.

Мутно гляжу на окна.
В сердце тоска и зной.
Катится, в солнце измокнув,
Улица передо мной.

А на улице мальчик сопливый.
Воздух поджарен и сух.
Мальчик такой счастливый
И ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с эфтой силой
В душу свою не лезь.

Я уж готов. Я робкий.
Глянь на бутылки рать!
Я собираю пробки —
Душу мою затыкать.

<1923?>

«Цветы на подоконнике...»

Цветы на подоконнике,
Цветы, цветы.
Играют на гармонике,
Ведь слышишь ты?
Играют на гармонике,
Ну что же в том?
Мне нравятся две родинки
На лбу крутом.
Ведь ты такая нежная,
А я так груб.
Целую так небрежно
Калину губ.
Куда ты рвешься, шалая?
Побудь, побудь...
Постой, душа усталая,
Забудь, забудь.

Она такая дурочка,
Как те и та...
Вот потому Снегурочка
Всегда мечта.

<1924>

Памяти Брюсова

*Мы умираем,
Сходим в тишь и грусть,
Но знаю я —
Нас не забудет Русь.*

*Любили девушек,
Любили женщин мы —
И ели хлеб
Из нищенской сумы.*

*Но не любили мы
Продажных торгашей.
Планета, милая, —
Катись, гуляй и пей.*

*Мы рифмы старые
Раз сорок повторим.
Пускать сумеем
Гоголя и дым.*

*Но все же были мы
Всегда одни.
Мой милый друг,
Не сетуй, не кляни!*

*Вот умер Брюсов,
Но помрем и мы, —
Не выпросить нам дней
Из нищенской сумы.*

*Но крепко вцапались
Мы в нищую суму.
Валерий Яковлевич!
Мир праху твоему!*

<1914>

Цветы

I

*Цветы мне говорят прощай,
Головками кивая низко.
Ты больше не увидишь близко
Родное поле, отчий край.*

*Любимые! Ну что, ну что ж!
Я видел вас и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.*

II

*Весенний вечер. Синий час.
Ну как же не любить мне вас,*

*Как не любить мне вас, цветы?
Я с вами выпил бы на «ты».*

*Шуми левкой и резеда.
С моей душой потряслась беда.
С душой моей потряслась беда.
Шуми левкой и резеда.*

III

*Ах, колокольчик! твой ли пыл
Мне в душу песней позвонил
И рассказал, что васильки
Очей любимых далеки.*

*Не пой! не пой мне! Пощади.
И так огонь горит в груди.
Она пришла, как в рифме «вновь»
Неразлучимая любовь.*

IV

*Цветы мои! не всякий мог
Узнать, что сердцем я продрог,
Не всякий этот холод в нем
Мог растопить своим огнем,*

*Не всякий, длани кто простер,
Поймать сумеет долю злую.
Как бабочка – я на костер*

Лечу и огненность целую.

V

*Я не люблю цветы с кустов,
Не называю их цветами.
Хоть прикасаюсь к ним устами,
Но не найду к ним нежных слов.*

*Я только тот люблю цветок,
Который врос корнями в землю,
Его люблю я и приемлю,
Как северный наш василек.*

VI

*И на рябине есть цветы,
Цветы – предшественники ягод,
Они на землю градом лягут,
Багрец свергая с высоты.*

*Они не те, что на земле.
Цветы рябин другое дело.
Они как жизнь, как наше тело,
Делимое в предвечной мгле.*

VII

*Любовь моя! прости, прости.
Ничто не обошел я мимо.
Но мне милее на пути,*

Что для меня неповторимо.

*Неповторимы ты и я.
Помрем – за нас придут другие.
Но это все же не такие —
Уж я не твой, ты не моя.*

VIII

*Цветы, скажите мне прощай,
Головками кивая низко,
Что не увидать больше близко
Ее лицо, любимый край.*

*Ну что ж! пускай не увидать!
Я поражен другим цветеньем
И потому словесным пенъем
Земную буду славить гладь.*

IX

*А люди разве не цветы?
О милая, почувствуй ты,
Здесь не пустынные слова.*

*Как стебель тулово качая,
А эта разве голова
Тебе не роза золотая?*

Цветы людей и в солнь и в стыть

Умеют ползать и ходить.

X

Я видел, как цветы ходили,
И сердцем стал с тех пор добрей,
Когда узнал, что в этом мире
То дело было в октябре.

Цветы сражались друг с другом,
И красный цвет был всех бойчей.
Их больше падало под вьюгой,
Но все же мощностью упругой
Они сразили палачей.

XI

Октябрь! Октябрь!
Мне страшно жаль
Те красные цветы, что пали.
Головку розы режет сталь,
Но все же не боюсь я стали.

Цветы ходячие земли!
Они и сталь сразят почище,
Из стали пустят корабли,
Из стали сделают жилища.

XII

И потому, что я постиг,

*Что мир мне не монашья схима,
Я ласково слагаю в стих,
Что все на свете повторимо.*

*И потому, что я пою,
Пою и вовсе не впустую,
Я милой голову мою
Отдам, как розу золотую.*

<1924>

«Неуютная жидкая лунность...»

*Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин, —
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.*

*По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.*

*Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.*

*Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.*

*Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.*

*Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальнойю
Видеть бедную, нищую Русь.*

*И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.*

<1925>

«Тихий вечер. Вечер сине-хмурый...»

*Тихий вечер. Вечер сине-хмурый.
Я смотрю широкими глазами.
В Персии такие ж точно куры,
Как у нас в соломенной Рязани.*

*Тот же месяц, только чуть по-
шире,
Чуть желтее и с другого края.
Мы с тобою любим в этом мире
Одинаково со всеми, дорогая.*

*Ночи теплые, – не в воле я, не в си-
лах,
Не могу не прославлять, не петь
их.
Так же девушки здесь обнимали
милых
До вторых до петухов, до тре-
тьих.*

*Ах, любовь! Она ведь мне знакома,
Это чувство знают даже кошки,
Только я с отчизной и без дома
От нее собираю скромно крошки.*

Счастья нет. Но горевать не буду

*Есть везде родные сердцу куры,
Для меня рассеяны повсюду
Молодые чувственные дуры.*

*С ними я все радости приемлю
И для них лишь говорю стихами:
Оттого, знать, люди любят зем-
лю,
Что она пропахла петухами.*

<Июль 1925>

Частушки

Девичьи и полюбовные

* * *

*Из колодца вода льется,
Вода волноватая.
Мил напьется, подерется,
А я виноватая.*

* * *

*– Дорогой, куда пошел?
– Дорогая, по воду.
– Дорогой, не простудись
По такому холоду.*

* * *

*Сидела на бочке.
Румяные щечки.
Люди скажут – «навелась».
Я ж такая родилась.*

* * *

*Милый ходит за сохой,
Машет мне косынкой.
Милый любит всей душой,*

А я половинкой.

** * **

*Рассыпьяся, горох,
По чистому блюду.
Я любила всех подряд,
Теперья не буду.*

** * **

*Полоскала я платочек,
Полоскала – вешала.
Не любила я милого,
Лишь словами тешила.*

** * **

*С гор потоки, с гор потоки,
С гор холодная вода.
Насмеялся дрянь-мальчишка,
А хороший никогда.*

** * **

*Ай, лед хрустит
И вода льется.
Ты не думай, не гадай —
Дело не сойдется.*

** * **

Ах, платочек-летуночек,
Обучи меня летать.
Не высоко, не далеко
Только милого видать.

* * *

Милый пишет письмецо:
«Не потеряла ли кольцо?»
А я на толево пишу —
На правой рученьке ношу.

* * *

– Милая подруженька,
Чем ты набелилася?
– Я коровушку доила,
Молочком умылася.

* * *

Маменька ругается,
Куда платки деваются.
Сама не догадается,
Что милый утирается.

* * *

С крыши капала вода,
Милый спрашивал года.
– Скажи, милка, сколько лет,
Повенчают али нет?

* * *

Дайте ходу пароходу,
Натяните паруса.
Не за все дружка любила —
За кудрявы волоса.

* * *

Не тобой дорога мята,
Не тебе по ней ходить,
Не тобою я занята,
Не тебе меня любить.

* * *

На оконышке цветочек,
Словно бархатиночка.
Оттого милой не любит,
Что я сиротиночка.

* * *

Я свои перчаточки
Отдала Васяточке:
Я на то надеюсь —
Пойду плясать, согреюсь.

* * *

Я плясала, топала,
Я любила сокола,

Я такого сокола —
Ростом невысокого.

* * *

Скоро, скоро Троица,
Береза принакроется.
Скоро миленький придет,
Сердце успокоится.

* * *

Милая сестрица,
Давай с тобой делиться:
Тебе соху, борону,
Мне чужую сторону.

* * *

Милая, духаная,
Соломой напиханная,
Ликом наведенная,
Скажи, в кого влюбленная?

* * *

Милый мой, хороший мой,
Мне с тобой не сговорить.
Отпусти меня пораньше,
Мне коровушку доить.

* * *

*Плясала вприсядку,
Любила Васятку.
Теперь Васятку —
Под левую пятку.*

* * *

*Неужели сад завянет,
В саду листья опадут?
Неужели не за Ваню
Меня замуж отдадут?*

Прибаски

I

(Н*а растянутый лад, под ливенку. Поют*
парни)

* * *

*Разлюбимый мой товарищ
С одной ложки ел и пил.
С одной ложки ел и пил,
У меня милку отбил.*

* * *

*Девки крали, девки крали,
Шестьдесят рублей украли.
А ребята короли
С завода лошадь увели.*

* * *

*Я свою симпатию
Узнаю по платию.
Как белая платия,
Так моя симпатия.*

* * *

*Под окошком следа нет,
Видно, кони вымели.
А моей милашки нет,
Видно, замуж выдали.*

* * *

*Не стругает мой рубанок,
Не пилит моя пила.
Нас священник не венчает,
Мать совету не дала.*

* * *

*Я не сам гармошку красил,
Не сам лаком наводил.
Я не сам милашку сватал, —
Отец с матерью ходил.*

* * *

*Наши дома работают,
А мы в Питере живем.*

Дома денег ожидают,
Мы в опорочках придем.

* * *

Дуют ветры, дуют буйны
Из куста орехова.
Ты скажи, моя зазноба,
С кем вчера приехала?

* * *

Погуляйте, ратнички,
Вам последни празднички.
Лошади запряжены,
Сундуки улажены.

* * *

Не от зябели цветочки
В поле приувянули.
Деятнадцати годочков
На войну отправили.

* * *

Сядьте, пташки, на березку,
На густой зеленый клен.
Деятнадцати годочков
Здесь солдатик схоронен.

* * *

Ты не гладь мои кудерки,
Золоченый гребешок,
За Карпатскими горами
Их разгладит ветерок.

II

(Плясовой лад, под тальянку. Поют бабы и
девки)

Ах, Ванька туз,
Потерял картуз.
А я поле мела —
Картуз подняла.

* * *

Мой муж арбуз,
А я его дыня.
Он вчера меня побил,
А я его ныня.

* * *

Мельник, мельник
Завел меня в ельник.
Меня мамка веником:
Не ходи по мельникам.

* * *

Хоть бы тучка накатила

*Или дождичек пошел.
Хоть бы милый догадался,
На вечерушку пришел.*

** * **

*Гармонист, гармонист,
Рубаха бордовая,
Через тебя я, гармонист,
Стала нездоровая.*

** * **

*Мой миленок в Питери
Поступил в учителя,
За дубовым столом
Пишет серебряным пером.*

** * **

*Проводила мужа,
Под ногами лужа.
Сердце бьется, колотится:
Боюсь, назад воротится.*

** * **

*А я нынче молода —
На лето невеста.
Ищи, мамка, жениха,
Хорошее место!*

* * *

Пойду плясать,
Ногой топну.
Семерых люблю,
По одном сохну!

* * *

Рассыпьяся, горох,
На две половинки...
У попа жена помрет,
Пойду на поминки.

* * *

Опушу колечко в речку,
Что-нибудь да попадет.
Либо щука, либо лень,
Либо с милого ремень.

* * *

Дай бог снежку
Завалить стежку,
Чтобы милый не ходил
К моему окошку.

* * *

Прокатился лимон[1]
По чистому полю.

Не взяла бы сто рублей
За девичью волю!

Страданья

* * *

За страданье
Мамка брónит.
Побить хочет —
Не догонит.

* * *

Страдатель мой,
Страдай со мной.
Надоело
Страдать одной.

* * *

– Голубенок!
Возьми замуж.
– Голубушка,
Не расстанусь!

* * *

В небе звездам
Счету нет.
Всех любить

Расчету нет.

** * **

*Ах, колечко
Мое сине.
На колечке
Твое имя.*

** * **

*Пострадала,
Ну, довольно...
От страданья
Сердцу больно.*

** * **

*Милый бросил,
А я рада:
Все равно
Расстаться надо.*

** * **

*Милый бросил,
А я – ево.
Ему стало
Тошней мово.*

** * **

Ах, какая
Ночь темная,
До свиданья,
Знакомая!

* * *

Она моя,
Энта, энта.
Голубая
В косе лента.

* * *

Возьму карты —
Нет валета.
Мил уехал
На все лето.

* * *

Девки, стойте,
А я по́йду.
Примечайте
Мою хóтьбу.

* * *

Не страдай,
Король бубновый,
У меня
Страдатель новый.

* * *

Не влюбляйся,
Красавица,
Он картежник
И пьяница.

* * *

По заре
Далеко слышно,
Что Парашка
Замуж вышла.

* * *

Не боюсь
Тюремных замков,
Я боюсь,
Наставят банок.

* * *

Товарищи,
За что бьете?
Без меня вы
Пропадете.

* * *

За рекою,
За быстрою,

Монастырь
Девкам построю.

* * *

В монастырь
Хотел спасаться,
Жалко с девками
Расстаться.

* * *

Пойдем, милый,
Стороною,
А то скажут:
Муж с женою.

* * *

Пролетела
Про нас слава
До самого
Ярослава.

* * *

Гуляй, милка,
Нам все равно,
Про нас слава
Идет давно.

* * *

Куда пошел?
Чего делать?
Я ищу
Красивых девок.

* * *

Твои глаза.
Мои тоже.
Что не женишься,
Серезжа.

* * *

Твои глаза
Больше моих.
Я – невеста,
Ты – жених.

Смешанные

* * *

*Подруженька, идут двое.
Подруженька, твой да мой.
Твой в малиновой рубашке,
А мой в светло-голубой.*

* * *

*Висожары высоко,
А месяц-то низко.
Живет милый далеко,
А постылый близко.*

* * *

*Пойду плясать,
Весь пол хрястит.
Мое дело молодое,
Меня Бог простит.*

* * *

*Дайте, дайте мне пилу,
Я рябинушку спилю.
На рябине тонкий лист,
А мой милый гармонист.*

* * *

Ах, што ж ты стоишь,
Посвистываешь?
Картуз потерял,
Не разыскиваешь!

* * *

Я ходила по полю,
Мимо кони топали.
Сбирала планочки
Ваниной тальяночки.

* * *

Пали снеги, пали белы,
Пали да растаяли.
Всех хорошеньких забрили,
Шантрапу оставили.

* * *

Ах, щечки горят,
Алые польщут.
Не меня ли, молодую,
В хороводе ищут?

* * *

Ай, мать бранится,
И отец бранится:
– За каким же непутевым
Наша девка гонится!

* * *

А я чаю накачаю,
Кофею нагрохаю.
Поведут дружка в солдаты,
Закричу, захохаю.

* * *

Ах, девки, беда —
Тальянка худа.
Надо денег накопить
Да тальяночку купить.

* * *

Ах, сад-виноград,
Зеленая роща.
Ах, кто ж виноват —
Жена или теща?

* * *

Ай, мать, ай, мать,
На кой меня женишь?
Я не буду с женой спать,
Куда ее денешь?

* * *

Молодой мельник
Завел меня в ельник.

*Я думала, среда,
Ныне понедельник!*

** * **

*Не трожь меня, Ванька,
Я попова нянька.
В коротенькой баске,
Голубые глазки.*

** * **

*Ах, лапти свей
И оборки свей.
Меня милая не любит —
Лихоманка с ней.*

** * **

*Я ли не поповна.
Я ли не духовна.
А кто меня поцелует,
Благодарю покорно!*

** * **

*Пускай хают, нас ругают,
Что отчайные растем.
А мы чайные-отчайные
Нигде не пропадем!*

** * **

*В эту пору, на Миколу,
Я каталася на льду.
Приходили меня сватать,
Я сказала: не пойду!*

** * **

*Ах, темный лес,
Подвинься сюда.
Я по этому лесу
Свое горе разнесу.*

** * **

*Провожала Коленьку
За нову часовенку.
Провожала за ручей,
Я не знаю, Коля чей.*

** * **

*Чик, чик, чикалочки,
Едет мужик на палочке.
Жена на тележке
Щелкает орешки.*

** * **

*Уж я рожь веяла
И овес веяла.
Мне сказали – дружка взяли,
А я не поверила.*

* * *

*Никому так не досадно,
Как мне, горькой сироте:
Съел я рыбину живую,
Трепещется в животе!*

Примечания

1

Лимон – образ солнца. (*Прим. С. Есенина.*)

[^^^]